

Рафаэль Хаким. «Где наша Мекка?». Казань: Магариф, 2003. – 63 с.

Рафаэль Хаким
Где наша Мекка?
(Манифест евроислама)

*«Большая часть из вас следует только за мнением; но мнение не может быть предпочтительно истине» [10:36].**

Моя бабушка была набожной. Молилась каждый день, держала *уразу* (пост), не ела свинину. В детстве по вечерам вместо сказок мне читала историю святых. Когда я стал студентом физического факультета Казанского университета, бывало что помогал ей понять некоторые сложные *сурь* Корана – брал русский перевод И.Ю.Крачковского, как мог излагал на татарском, пытаюсь объяснить очень далекие для меня темы.

Наше поколение было отлучено от религии. На физическом факультете училась умная молодежь, которая жила в мире квантовой механики, синхрофазатронов, расщепления атома. Мы пытались понять геометрию Лобачевского, по которой параллельные линии должны сходиться где-то в безбрежном космическом пространстве, изломанном гравитационными полями звезд и планет. К нам приезжал молодой Рюальд Сагдеев и читал лекции о принципах термоядерного синтеза. Физика, казалось, могла объяснить самые сложные законы материи. Бог был лишним звеном в логической цепи доказательств, в лучшем случае его можно было свести к функции непознанного. Альберт Эйнштейн – вот кто был нашим богом.

Как-то прочитав, что один из знаменитых физиков был человеком набожным, я сильно удивился. Создание атомной и водородной бомб плохо вязалось с чтением Библии или Корана.

«Господь твой не пропускает без внимания даже вес малейшего атома на Земле и на небесах» [10:61].

Нашему воображению трудно представить бесконечную делимость атома, ничем не ограниченное пространство Вселенной, трудно понять время, которое не имеет ни начала, ни конца. Такие понятия мы должны отвергнуть или же признать как аксиому. Они не поддаются рациональному объяснению, поскольку весь наш жизненный опыт протестует и не соглашается с такими представлениями. Здесь и интуиция не может помочь. Бесконечное – предмет веры.

Атом состоит из частиц, которые нельзя разглядеть даже в электронный микроскоп, они обнаруживаются, когда оставляют след в специальном приборе. Частицы – это не объективность вроде бильярдного шара, который можно потрогать, измерить, взвесить, это результат взаимодействия «чего-то» с прибором. Причем это «нечто» мы не можем назвать телом или волной, ибо оно и то и другое одновременно. Несовместимое в нашем мире оказывается возможным в другом. Но было бы опрометчиво утверждать, что частицы всего лишь некая фантазия, конструкция интеллектуального ума, некие следы на приборе. Когда атомная бомба взрывается, все понимают, что они – жуткая реальность.

По большому счету и в нашей жизни многое является результатом взаимодействия человека с «объективностью». Человек вмешивается в ход истории и в этом смысле творит ее. Истина не застывший абсолюте, она зависит от нас. Фарид Исак справедливо замечает: «Но моя проблема связана не с тем, как много и что именно мы извлекаем из ислама. Вопрос в другом: что мы в него привносим? И как наш вклад способен изменить облик ислама? Неужели мы и ислам – две совершенно различные вещи? И существует ли ислам сам по себе, в отдельности от нас? И разве существо веры не способно воспринимать в себя нечто от нашего опыта?»²

Не одну тысячу лет существует иудаизм, христианство, ислам и буддизм, которые просвещают, прививают гуманизм и чувство сострадания к ближнему. Тем не менее, цивилизованные люди, возможно, даже с именем Господа на устах сбросили атомную бомбу на гражданское население. А затем с еще большим рвением принялись разрабатывать водородную бомбу, химическое и

* Тексты из Корана даны в переводе Д.Н.Богуславского. – Коран. Стамбул, 2001. В квадратных скобках даны ссылки последовательно на номер *сурь* и *аята*.

² Фарид Исак. Быть мусульманином. – М., 2002. – С.249.

бактериологическое оружие. Что это? Происки сатаны? Можно объяснить и так, но не слишком ли это простое объяснение.

Почему Господь допустил столь разрушительные войны, создание оружия, которое может превратить Землю в ад? Ведь он всевидящий, всемогущий и наимилосерднейший...

«Если тебя постигнет что-либо хорошее, то это от Бога; если тебя постигнет что-либо дурное, то это от тебя самого» [4:79].

Советская страна была атеистической. Социализм стал вызовом западной модели демократии и рыночной экономики. Плохо ли, хорошо ли, но именно этим мы жили. Ленин занял место Иисуса Христа. Мы штудировали 55 томов его полного собрания сочинений, ни на шаг не отступая от «заветов». Схоластическая зубрежка стала главным идеологическим оружием. Любой отклонившийся от буквы ленинских цитат становился отступником, еретиком – *муртатом*.

Страна, потрясая весь мир революционными преобразованиями, победившая фашизм, начавшая освоение космоса, потеряла динамичность и оказалась в списке «третьего мира». Фантасмагория, ставшая результатом заскорузлой мысли и обожествления авторитетов.

Запад извлек уроки из этой ситуации – расстался с колониями, заимствовал некоторые социалистические идеи, реформировал систему образования, объединился перед лицом коммунистической угрозы. Невероятный экономический рост, технологические изобретения, повышение уровня жизни сделали Запад образцом для всего мира.

«Кого Бог вводит в заблуждение, тот не найдет путеводителя» [40:33].

Перед смертью бабушка завещала свой Коран именно мне. Она объяснила так: «Он любит книги, значит и Корану найдется место на его полках».

Пришло время читать Коран...

Есть священнослужители, которые живут исламом, это их призвание, работа, служение. Они хлеб насущный добывают через поддержку религии. Есть ученые, понимающие все тонкости Корана, Сунны, шариата. Их удел давать толкования с учетом всей предыстории вопроса и разных мнений, вникать в тонкости аргументации ашаритов об идее предопределения, знать концепцию свободы выбора мутазилитов. Но есть люди, которые не посвятили жизнь исламу, тем не менее, по своему ищут истину. У них свой путь к Аллаху.

Однажды мулла Насреддин сказал:

- Я могу видеть в темноте.
- Прекрасно, мулла, но если это так, почему же ты всегда ходишь со свечой по ночам?
- Чтобы другие не могли столкнуться со мной.

«Мы не возлагаем тяжести свыше сил на верующих и творящих добро» [7:42].

Почему ислам быстро распространяется по всему миру? Почему Восток безнадежно отстал от Запада? Какое отношение имеет шариат к моему существованию? Что станет с миром после 11 сентября? На эти вопросы нелегко найти однозначные ответы.

Мое мнение – не *фетвы* ученого-богослова или священнослужителя, а всего лишь размышления вслух светского человека, получившего европейское образование и озабоченного будущим своей республики. Невозможно стоять в стороне и ждать чьих-то разъяснений по поводу проблем, которые касаются всех и каждого.

Мои далекие предки в X веке добровольно приняли ислам, а затем по мере сил распространяли его среди других народов. Татарские богословы в XIX – XX веках встали на путь реформации ислама и многого добились на этом пути. У нас богатая история, но что нас ждет в будущем? Я хожу со свечой в руке, чтобы разглядеть неизвестность или, по крайней мере, чтобы другие не могли столкнуться со мной.

Могут сказать: зачем браться за перо, если ты не богослов и не имам. Имеешь ли ты на это право? Но ведь ислам мое существо, моя культура и если я его хочу понять, то нет другого источника, кроме Корана. Почему я должен слушать чье-то толкование, а не читать сам – разве кто-то имеет монополию на истину?! Нет, не имеет.

Говорят: надо знать тонкости, нюансы арабского языка, чтобы понять Коран. Возможно, это так. Но загвоздка в том, что сегодня даже само чтение Корана в оригинале есть толкование, потому что изменилась эпоха, люди, язык, значение слов и понятий. Слова живут своей жизнью. Зубрежка сур Корана – не спасение. Текст Корана не в состоянии говорить своим собственным голосом, ему нужны интерпретаторы, а интерпретаторы – люди. Каждый в прочитанные слова вкладывает свои представления, исходя из собственного жизненного опыта и культуры.

Мусульмане живут в разных государствах, в разных условиях. Есть Саудовская Аравия, Иран, Судан, где соблюдают исторический шариат, есть такие страны как Турция, Египет, где законодательство светское, но общество мусульманское, а есть Россия и Европа, где мусульмане живут в христианской среде, не чужой, но иной, составляя меньшинство. Времена халифатов прошли. Сайид Кутб считает: «Довольно забавно пытаться, например, создать исламские положения, чтобы приспособиться к общественному или экономическому строю в Америке или в России, каждая из которых не признает Ислам как закон. Это же касается любой страны, которая не признает примата власти ислама! И всякие попытки развить Фикх, подчиняя его системе, которая не признает власти ислама, это попытки вырастить семена в воздухе, это пустая забава, не приличествующая серьезности ислама».³ Значит ли это, что татар нужно исключить из исламского мира? Означает ли это, что ислам стоит вне и над общечеловеческими ценностями? Как быть мусульманам Европы, где их с каждым годом становится все больше? Ведь они себя считают мусульманами.

Мир становится единым поликультурным сообществом, выработавшим международное право. Он становится *уммой*, не чисто мусульманской, но единой, по крайней мере, в вопросах войны и мира, защиты прав человека и интересов государств. Такая общность не может возникнуть против воли Господа. Сказано: «Если бы Бог не сдерживал людей одних другими, то земля бы погибла; но Бог милостив ко Вселенной» [2:251]. Система сдержек в мире в виде международных организаций, взаимных договоренностей и создает мировую *умму*.

Третье тысячелетие несет с собой совершенно новые требования к человеку и обществу. Роль личности и отдельных народов неизмеримо выросла. Они стали самоценностью и не могут быть растворены в мусульманской общине. Мир говорит предпочтительно на английском языке, а дети не вылезают из Интернета. Мы не представляем себе жизни без телевидения с десятками каналов, без электронной почты, мобильных телефонов, самолетов, которые могут доставить нас в любую точку мира. Арабский язык и культура потеряли прежнее значение и привлекательность, они не дают человеку преимуществ.

Где теперь наша Мекка?

«Мы не иначе посылали наших посланных, как говорящими кажда́й на языке народа своего, чтобы лучше объяснять им» [14:4].

Ислам религия изначальная и извечная. Сказано: «Мы принадлежим к религии Авраама, он был правоверным, а не из числа язычников. Отвечай: мы веруем в Бога и в то, что Он ниспослал нам, Аврааму, Измаилу, Исааку, Иакову, двенадцати коленам, и в то, что было дано Моисею, Иисусу и пророкам от Господа их; мы не делаем никакого различия между ними и покоряемся воле Божьей» [2:135-137]. Господь посылал десятки пророков, чтобы донести народам заповеди на понятном им языке.

Арабы когда-то наивно полагали, что священная книга была ниспослана на арабском, а Джебраил (архангел Гавриил) переводил его пророкам на их родной язык. На самом деле книга была пророку «ниспослана» [2:285; 3:7; 5:83], ему снизошло «откровение» [4:163]. Пророк говорил: «Я следую только тому, что мне открыто» [10:15]. Речь Аллаха не сотворена, она не вербализована им самим, но суть ее донесена через Пророка. Абу Ханифа писал: «Аллах говорит, но не так, как мы. Мы говорим при помощи органов речи, произносятся различные звуки. Речь Аллаха не имеет ни начала, ни конца и не прерывается, потому что не является ни буквами, ни звуками».⁴

«Его принес верный дух на сердце твое, чтобы ты стал проповедником» [26:193-194].

³ Цитата по кн.: Юсуф аль-Кардави. Современный иджтихад: от беспорядка к порядку. – Казань: Иман, 2001. – С. 81.

⁴ Цит. по кн.: Знание о боге – наиважнейшее из знаний. – Киев, 2002. – С. 17.

Аллах слушает наши сердца, а не то, что на языке.

Значение слов любого языка связано с обстоятельствами, в которых он существует. «Значение слова – это его употребление в языке», – писал Людвиг Витгенштейн.⁵

Представим себе, что я перевожу с русского языка на татарский предложение: «Мелодия волнует душу». По структуре это предложение простое и слова бесхитростные. Любой, знающий татарский переведет его достаточно адекватно: «Моң күнелне дулкынландыра». Теперь представим, что надо сделать обратный перевод. И тут возникают сложности, потому что слово «моң» можно трактовать как тоску, неизъяснимые чувства, душевный настрой, в нем заключена драматичная, а порой трагичная история татар, все этнические переживания народа и только в крайнем случае «моң» может означать мелодию. «Моңлы көй» нельзя переводить как мелодичная мелодия, это даже не душевная мелодия. Это мелодия, трогающая глубины татарской души. И вообще эта фраза сложна для осмысления ее на другом языке, поскольку у каждого народа — собственная история. В результате обратного перевода в первоначальной фразе не окажется места для слова мелодия. Можно предложить такой перевод: «Глубокие душевные чувства волнуют сердце», но и тогда найдутся критики, которые скажут, что я поверхностно перевел слово «моң». И они будут правы. В языке закреплены стереотипы культуры, присущие только данному народу. Что несем в своем сознании, то и видим в окружающем мире. Слова, которые мы слышим, воспроизводят наши сегодняшние представления.

Значение – это употребление и смысл слов порой понятен лишь в контексте тех условий, в которых они существуют. Верблюд для араба — символ жизни, красоты, благополучия, богатства. Он может женщину сравнивать с верблюдицей и это не будет оскорблением. Нам не понять значение верблюда, потому что для нас это животное из зоопарка. Когда мы читаем в Коране «Разве они не обратили внимание на верблюда: как он был создан» [88:17], то не сразу можем вникнуть в значимость этой фразы. Для жителя северных широт это не более чем экзотичное животное.

Нам трудно понять строки из Корана, где сказано: «Клянусь фиговым и масличным деревом» [95:1], которые составляли важную основу жизни арабов и совершенно незнакомы для нас. Почему надо клясться этими деревьями?! Непонятно.

Смысл слов становится явным только при их применении. Каждое слово в языке что-то означает, но понять то, что оно обозначает, можно только в контексте той культуры, в которой оно имеет хождение. «Представить же себе какой-нибудь язык – значит представить некоторую форму жизни», – утверждал Людвиг Витгенштейн.⁶

В одной из современных статей по исламу говорится, что «человек приближается к Аллаху сердцем. Разум – помощник сердца».⁷ Это действительно так, если исходить из сегодняшнего смысла слова сердце (*кальб*), но во времена Пророка Мухаммеда у арабов сердце считалось вместилищем разума. Стало быть, стремиться к Господу сердцем, по Корану, означает понять его разумом. Сказано: «Разве сердца их не способны понимать и уши их не способны слышать? Их глаза не слепы, но слепы сердца их в груди» [22:46]. Здесь говорится, что сердце понимает, а не чувствует, как более привычно для нас. Сегодня для нас сердце — это вместилище эмоций, но никак не разума. Поэтому, когда мы читаем в Коране: «Кого Бог хочет направить, тому Он открывает сердце для ислама; кого же хочет совратить, сердце того Он делает стесненным, узким и как бы стремящимся подняться к небу» [6:125], то должны понимать, что речь идет о разуме человека, а не о сердце.

Вообще, о сердце, которое упоминается в Коране 133 раза, возникла целая наука, которая имеет свою длительную историю, множество направлений. Каждая общины в разные времена вкладывали в него свой смысл, порой прямо противоположный. Значит, знание арабского языка еще не является гарантией однозначного толкования стихов Корана.

«Степные арабы говорят: мы уверовали. Скажи им: нет, вы не уверовали; скажите: мы приняли ислам, потому что вера еще не проникла в сердца ваши» [49:14].

Коран несет в себе печать той культуры и того народа, которому он был ниспослан. В Священной книге есть такой сюжет: «В это время вошла жена его; она вскрикнула, ударила себя по лицу и сказала: «Я старуха и бесплодная?» [51:29]. Люди, воспитанные в европейских традициях,

⁵ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. – М.: ГНОЗИС, 1994. – С. 99.

⁶ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. – М.: ГНОЗИС, 1994. – С. 86.

⁷ Шайдуллин Х.Л. Вероучение Ислама. – В кн.: Абу-Ханифа Нуман ибн Сабит. Трактаты. М., 2001, с.15.

воспримут это буквально – женщина ударила себя по лицу. На самом деле этот жест означает изумление, он характерен для женщин Востока.

Порой язык Корана непонятен в буквальном прочтении. Сказано: «Человек создан из скорости; но Я покажу вам знамения Мои, и вы не пожелаете ускорить их» [21:37]. Это всего лишь образ, так же как описание Судного дня, где встречаются такие слова: «Когда небо растрескается, когда звезды рассыплются...». Понятно, что звезды не могут рассыпаться и небо не может растрескаться, но описанная картина становится более убедительной в такой эмоциональной форме. Точно так же описание рая дается образно.

Существует устойчивый миф о сотворении женщины из ребра Адама. Муса Бигиев, один из выдающихся теологов XX века, утверждал, что предание о сотворении женщины из ребра Адама всего лишь аллегория, образ, который подразумевает тонкость и нежность женской натуры. Недопустимо применение в отношении женщины грубой силы так же, как по отношению к хрупкой реберной кости. Женщина требует особого подхода.

Легенда о происхождении женщины из ребра Адама существовала множество столетий из-за плохого знания культуры, в которой функционировал язык. Фридрих Макс Мюллер по этому поводу писал следующее: «Адам мог бы сказать Еве: «Ты сотворена таким же образом, как и я», а на древнееврейском языке он выразил бы свою мысль следующим образом: «Ты кость от кости моей, и плоть от плоти моей». Это выражение повторялось на протяжении всего нескольких поколений, и вскоре появилась буквальная, если так можно выразиться, материальная и вводящая в заблуждение интерпретация, в дальнейшем люди начинают верить, что первая женщина была создана из кости первого мужчины, или из его ребра, по той простой причине, что, по всей видимости, без ребра он мог чувствовать себя лучше, чем без любой другой кости. Такое однажды возникшее недоразумение сохранялось, несмотря на всю свою странность».⁸ Весьма поучительный пример трансформации языковых клише в устойчивые искаженные представления.

Мифологизированные сюжеты нельзя воспринимать буквально, они всего лишь элементы образности языка. Ислам за столетия своего существования оброс множеством сказаний, которые довольно прочно закрепились в сознании людей, хотя и не имеют прямого отношения к Корану.

Наша жизнь кардинально отличается от средневековой. Сегодня нет рабства и набегов, люди живут не племенами, а нациями. Изменились иудеи и христиане. А в России к тому же живут различные народы, здесь другая экономика и климат.

«Он создал небеса и землю по истине. Он посылает ночь за днем и день за ночью; Он подчинил солнце и луну, каждое из них совершает путь свой до определенного срока» [39:5].

Ряд предписаний Корана сформулированы очень жестко, в категоричной форме, но порой не применимы в специфических условиях. Сказано: «Ешьте и пейте до времени, пока будете в состоянии отличить на заре белую нитку от черной; после этого строго соблюдайте пост до ночи» [2:187]. Как держать пост около полярного круга, где солнце не восходит?

Муса Бигиев, прекрасно понимавший не только букву, но и дух Корана, предложил свое объяснение этой ситуации. Он проанализировал другой аят: «Пост должен продолжаться определенное число дней» [2:184], в котором он видит указание для тех, кто живет в таких географических широтах, где невозможно различить день и ночь. В работе «Пост в длинные дни» он пишет: «Согласно очевидному наставлению Священного Корана, пост в таких регионах никогда не является обязательным. Ибо пост наложен в качестве такового только на определенное количество дней, то есть там, где дни и ночи по своей долготе сопоставимы друг с другом. А на полюсах, где год состоит из одного дня и одной ночи или в холодных областях Приполярья, где дни и ночи делятся на протяжении недель и месяцев, пост, в силу своей ограниченности по времени в днях, конечно же исключен из жизни обитающих там людей. Таковое проистекает из особенностей географической области». Араб, который не видел белых ночей Петербурга, этой логики не поймет и не воспримет ее.

На полюсах нет запада и востока и нет зенита, там солнце не восходит и не заходит.

Смена дня и ночи в Коране дана как нечто неизменное, стабильное, само собой разумеющееся, некое чудо и подтверждение существования Господа. Было бы неверно думать, что Господь не догадывался о жизни людей за полярным кругом, но Он дал Коран для арабов, живущих близ экватора, иначе они бы не уверовали.

⁸ Фридрих Макс Мюллер. Введение в науку о религии. – М., 2002. – С.37.

«Клянусь явной книгой, что Мы дали Коран на арабском языке, чтобы вы понимали его. Он заключается в матери книги, которая у Нас; он велик и мудр» [43:2-4].

«В Коране и хадисах, – пишет Рукайя Максуд, – существует множество изречений по поводу человеческих прав»⁹ и приводит их целый список: право на жизнь, равенство, свободу мнения, политическую свободу и т.д. Все это выглядит очень современно. Действительно, в литературе цитируют такой *хадис*: «Как нарушаются права? Права нарушаются тогда, когда грехи совершаются открыто, и никто не удерживает грешников от заблуждений». Слова похожи на те, которые мы употребляем сегодня, но смысл иной, как если бы мы посчитали спутник Земли и спутника жизни или же сердце как орган и сердце как душу одним и тем же словом. Они пишутся одинаково, но их смысл понятен только в контексте употребления.

В древности права человека относились только к свободным, рабы не считались людьми, они были имуществом. Пророк Мухаммед призывал освобождать рабов и сам показывал пример, но он вовсе не исключал этот институт. Шариат до сих пор признает рабство, в частности, в результате захвата в плен. Ханифитский *мазхаб* предусматривает или казнь пленного, или превращение его в раба, он даже не предполагает выкупа, как другие *мазхабы*. Поэтому *хадисы*, где говорится о правах человека, нельзя переносить на сегодняшнюю ситуацию.

Современное толкование прав человека берет начало с первых десяти поправок к Конституции США, но и здесь нужно видеть эволюцию этого понятия. Смысл этих поправок заключался в защите интересов граждан штатов от посягательств федерации. И только после второй мировой войны права человека стали трактоваться как индивидуальные и постепенно утвердились в нынешнем их понимании. Здесь можно было бы поставить точку, но сюжет будет незавершенным, если не указать на российские особенности отношения к теме прав человека. Русскоязычное население России понимает под ним соблюдение гражданских прав, в то время как «националы» обеспокоены защитой этнических интересов, которые они считают составной частью прав человека. Так что права человека, о которых говорил Пророк, и права человека в нашем обществе — это разные явления. Было бы правильнее в каждом случае использовать самостоятельные термины, но они не были выработаны.

В суть Корана нужно вникать, различая все особенности условий жизни и менталитета носителей культуры той эпохи. Нельзя его читать буквально, так, будто Пророк живет в XXI веке, нельзя навязывать термины, выработанные в VII веке, нашему обществу.

«Так Мы ниспослали арабский Коран и распространили в нем угрозы; может быть, они убоятся Бога, может быть, это побудит их к размышлению» [20:113].

Язык существует только в контексте своего времени и того народа, в чьей среде он функционирует.

Коран был ниспослан арабам «на ясном арабском языке» по поводу конкретных событий. Так легче было сделать их верующими. Например, в Священной книге сказано: «Да будут отрезаны обе руки Абу Лахаба, и да погибнет он сам» [111:1]. Речь идет о дяде пророка Мухаммеда, который устраивал ему козни. Была конкретная ситуация и потребность ее решения. Сегодня этот *аят* всего лишь напоминание о сюжете из жизни Пророка и не имеет современного применения, тем более что и руки Абу Лахаба не были отрезаны.

Есть *суры*, которые ниспосланы в связи с той или иной военной экспедицией. В *аяте 25 суры* «Покаяние» сказано: «Бог уже помог вам много раз. В день Хонейнской битвы, когда вы гордились вашей многочисленностью, которая ни к чему вам не послужила: как ни широка земля, она оказалась вам тесною, вы обратились в бегство». В этом стихе говорится об одном из многих исторических событий. В Коране много сюжетов, связанных с конкретной жизнью арабских племен.

«Если бы Мы дали Коран на иностранном языке, они сказали бы: если бы хоть стихи его были ясны, а то они написаны на чужом языке, а сам он (Мухаммед) – араб» [41:44].

⁹ Рукайя Максуд. Ислам. – М., 2001, с.178.

В конкретности сила Корана, позволившая корейшитов и другие племена наставить на путь истинный, но она же создает трудности для нашего времени. Возникает вопрос: что же в Коране ситуативное, а что ниспослано на вечные времена и носит универсальный характер? Нельзя в нем все переносить на сегодняшний день. Жизнь арабов VII века не может для нас служить образцом. Это всего лишь история, поучительная, важная, но все же история.

Я живу в Татарстане и не хочу быть похожим на средневекового араба, я татарин и хочу остаться татарин. Для меня важна история собственного народа, тем более что татары повлияли на судьбы Евразии не в меньшей степени, чем арабы на историю Востока. Для меня также важно знать историю русских и в целом историю России, где живет основная масса моего народа.

«Мы их послали с знаменами и книгами. Тебе тоже Мы ниспослали книгу, чтобы ты объяснил людям то, что им было послано. Может быть они и размыслят» [16:44].

В мекканский период стихи Корана обращены ко всем людям. Сказано: «О люди, Мы создали вас от мужчины и женщины; Мы разделили вас на народы и племена, чтобы вы знали одних других» [49:13]. Там нет различий в правах мужчины и женщины, запрещается применение силы для обращения в ислам, ясно выражено терпимое отношение к людям других религий.

В мединский период *аяты* обращены в большей степени к арабам VII века и им в отношении язычников предписано: «Убивайте их всюду, где встретите, и выгоняйте отовсюду, откуда они вас выгнали» [2:191]. По отношению к женщинам появляется ряд *аятов*, делающих их неравноправными с мужчинами. Сказано: «Мужчины выше женщин тем, чем Бог возвысил их одних над другими, и тем, что они дают им из имущества своего» [4:34]. Или: «Бог завещает вам относительно детей ваших, чтобы вы давали сыну часть, равную части двух дочерей» [4:11]. Конечно, этому находят объяснения и утверждают, что это справедливый принцип, поскольку мужчины несут большую ответственность, но неравенство есть неравенство.

Противоречия между стихами мекканского и мединского периодов слишком очевидны и их невозможно примирить – одни отрицают другие. Поэтому мусульманские правоведы посчитали *аяты* мекканского периода отмененными, как более ранние, но дата откровения не является критерием, по которому можно одни *аяты* считать по силе выше других. Если бы это была реальная отмена, тогда сам Пророк не включал бы так называемые «отмененные» *аяты* в текст Корана. Как известно, под его непосредственным контролем были подготовлены четыре главных учителя Корана: Абдулла бин Масуд, Салим Маула Аби Худхайфа, Муаз бин Джабал и Убайи ибн Кааб. Насколько он был щепетилен в этих вопросах говорит история с произношением всего лишь одного слова. Омар пожаловался Пророку, что Абдулла неверно произносит некий глагол, после чего Мухаммед выслушал обоих и подтвердил правильность произношения звука. Еще при жизни Пророка было множество людей знавших Коран наизусть. Однажды Пророку сообщили, что Абу Муса в собственном доме обучал людей читать Коран. Пророк попросил, чтобы его тайно провели в ту часть дома, откуда он мог бы слышать его и, послушав чтение Корана, остался доволен. Пророк Мухаммед внимательно следил за точным сохранением текста Корана. Если бы он посчитал какие-то стихи отмененными, они бы не вошли в текст Корана. Если сам Пророк не взял на себя миссию отмены, почему же это могут позволить себе другие?

«Мы научим тебя читать Коран, и ты ничего не забудешь из него, кроме того, что будет угодно Богу, потому что Ему известно все и явное, и скрытое» [87:6-7].

Сегодня можно с таким же успехом использовать методику отмены *аятов* мединского периода, как менее значимых для нашего времени. Абдуллахи Ахмед Ан-Наим пишет: «Эволюционный подход к толкованию Корана есть не более чем процесс *наск* (или процесс отмены), направленный в обратную сторону, так, чтобы те тексты Корана, которые прежде были отменены, могли быть теперь использованы, и, соответственно, те тексты, которые ранее использовались в шариате, отныне оказались бы отмененными».¹⁰ На самом деле у каждого из типа *аятов* (мекканского и мединского

¹⁰ Абдуллахи Ахмед Ан-Наим. На пути к исламской реформации. (Гражданские свободы, права человека и международное право). – М., 1999, – С. 70.

периодов) была своя сфера применения и своя *умма*: одни принципы были ниспосланы для всех народов и на вечные времена, а другие – по большей части для арабов раннего средневековья. Ничего не отменялось и не отменяется в Коране, но есть разные сообщества, для которых они ниспосланы.

Мединская община возникла как первое мусульманское государство. Как новорожденный не может есть пищу для взрослых, а сосет молоко матери, так и ранние мусульмане должны были подрасти, чтобы воспринять вечное. От них нельзя было требовать большего. Мединские стихи были истиной для своего времени, они тесно связаны с языком, мыслями и чувствами той общины, в которой зарождался ислам, они полностью соответствуют своей исторической эпохе. И как ребенок, превратившийся во взрослого, должен забыть детский язык, так и ислам должен быть переведен на мекканский язык. Наступило время и теперь вступили в силу *аяты* мекканского периода, взятые из «Матери книг» и посланные всему человечеству.

«Бог уничтожает и поддерживает, что хочет. В Его руках мать книги»
[13:39].

Пророки были посланы, чтобы толковать «Матерь книг», донести истину конкретным народам на их родном языке. Пророк Мухаммед говорил: «Нам, пророкам, поручено говорить с людьми на том уровне, на котором они могут нас понять». Коран надо было разъяснить, сообразуясь с существующим менталитетом и обычаями.

Считать одни *аяты* отмененными другими — значит принижать волю Аллаха или считать его откровения ошибочными. Сказано: «Мы не уничтожим ни одного стиха или не заставим забыть его, без того, чтобы не заменить его лучшим или подобным прежнему» [2:106]. На первый взгляд кажется, что речь идет о возможности отмены каких-либо стихов Корана. Но если обратиться к предшествующим стихам [102-105], то откроется полная картина. Там идет речь о христианах, иудеях, многобожниках, которым были посланы писания. 105-й *аят* начинается со слов «неверные из получивших писание...», а затем уже идет 106-й *аят*, где говорится об «отмене» стихов. Значит, принцип «отмены» относится не к Корану, а к писаниям.

Господь направлял много пророков на Землю, но они не могли в полной мере донести слово Божье. В их свидетельствах появились искажения и темные места. Сказано: «Ни один из посланных Нами прежде тебя пророков не избег того, чтобы во время чтения Сатана не вовлек его в ошибку. Но Бог уничтожает внушения Сатаны и восстанавливает истинный смысл стихов Своих» [22:52]. Коран, в соответствии с «Матерью книг», призван устранить ошибки предыдущих писаний, но в нем самом ничего не отменяется, ибо это божественное откровение.¹¹

Вместо метода *насха* должен применяться *иджтихад*, который позволяет постепенно переходить от частных принципов, обращенных к мединской общине, к нормам, ниспосланным для всего человечества.

Когда-то человечество составляло единую *умму* Ибрахима. Затем оно разделилось. Появились разные религии и сообщества, которые враждовали и сотрудничали, порой составляли союзы. Возникали империи и распадались. Само понятие *уммы* менялось со временем. Сегодня все человечество стало единым сообществом.

Иджтихад позволяет учитывать эволюцию общества, предлагая современное толкование исламских норм, исходя из духа Корана. Например, *джихад* как война с неверными имела вполне объяснимый смысл в средние века, ибо тогда политика силы была обычным явлением. Но после второй мировой войны, когда средства ведения войны оказались соизмеримы с угрозой существованию человечества, договорные отношения и международное право стали выше принципа применения силы.

Пророк различал малый джихад с применением силы и высший джихад, который предполагает мирное продвижение ислама с помощью «Книги». Сказано: «Не повинуйся неверным, но веди с ними упорную войну этой книгой и мечом» [25:52]. Малый джихад нужен был, когда существовала угроза мусульманам со стороны других государств, когда ислам завоевывал новые территории, ведя себя адекватно средневековой эпохе. Сегодня вопросы войны и мира регламентируются иначе. Поэтому под джихадом следует понимать то, что оно буквально и означает – «усердие», битва с «дунья» – материальным миром за духовное начало, борьбу с неверием в себя. Такой смысл дан Господом на

¹¹ Единственный компромисс, на который можно было бы пойти, это понимание термина «отменено» в смысле «отложено», и то это нужно, чтобы оправдать основателей *мазхабов*, а может быть, нет необходимости кого-либо оправдывать...

все времена. Малый джихад, если он справедлив, объявляется в целях самообороны, для борьбы с насилием и тиранией, что вполне вписывается не только в текст Корана, но и рамки международного права.

Такое различие и толкование *аятов* исключительно важно сегодня. Ваххабизм ориентируется на насилие в борьбе с другими религиями и даже течениями в исламе. Призывая к «чистоте» ислама, он на самом деле следует ханбалитскому *мазхабу* в его крайнем выражении с полным отрицанием рационализма – Коран якобы понять нельзя, в него можно только уверовать. Тем самым он отстаивает традиционализм, не признающий никаких новых явлений.

«Все люди сначала составляли одну религию, потом они разделились» [10:19].

После двух мировых войн человечество создало механизмы против возникновения третьей. Сегодня бессмысленно говорить об *иджме* (консенсусе) в рамках мусульманской *уммы*. Все мусульманские страны развиваются как самостоятельные нации, как *умма* Египта, *умма* Иордании и т.д. Человечество стало единым сообществом и выше всего ценит безопасность, мир и стабильность.

Другой пример *иджтихада*. Сказано: «Он знал, что в сердцах их, Он ниспослал на них спокойствие и наградил их близкой победой и богатой добычей, которую они захватили. Бог могущ и премудр. Бог обещал вам богатую добычу и поторопился доставить вам ее; Он отвратил от вас десницу врагов, чтобы это служило знаменем для верующих и чтобы направить вас на прямой путь» [48:18-20]. Были времена, когда добыча была движущим мотивом людей. Сегодня было бы дикостью заниматься дележом добычи, хотя Коран регламентирует эти вопросы. Столетиями человечество воевало и имело во время войны трофеи, но сегодня это ушло в прошлое. В *суре* «Добыча» сказано: «Знайте, что пятая часть взятой вами добычи принадлежит (это вам – заповедь) Богу, Пророку, родным, сиротам, бедным и странникам, если вы только веруете в Бога и в ниспосланное рабу Нашему в день различия, в день, когда встретились оба войска» [8:41]. Дележ добычи сегодня актуален разве что для «набожных» пиратов.

Тему добычи нельзя ни смягчить, ни как-либо интерпретировать. Она должна остаться в прошлом. «Все, что разрешает шариат, – пишет Юсуф аль-Кардави, – обязательно несет в себе пользу; все, что запрещает шариат, обязательно несет в себе вред».¹² Если не различать, какой *умме* были ниспосланы *аяты*, то рабство и добычу нужно посчитать несущими пользу и сегодня, что противоречит нормам цивилизованного общества.

Не надо оставлять ни малейшей лазейки для оправдания грабежей, похищения людей и т.д., даже если это богословы сочтут за *бид'ат*. В конце концов, лучше в аду оказаться за *бид'ат*, чем за оправдание якобы «справедливого», по шариату, дележа добычи.¹³ Ведь следуя такой логике, можно дойти до оправдания любой политики. Сказано: «Искушение к безверию хуже, чем убийство на войне» [2:191]. Такие фразы можно трактовать как угодно широко, если оторвать их от общего контекста Корана и не учитывать аудитории, которой они были адресованы.

Во времена Пророка Мухаммеда не было оружия массового поражения. В то время призывы к борьбе с неверными несли совершенно иной смысл и предполагали иные средства. Сегодня мусульманам следует опираться на вечную идею всеобщей солидарности, ниспосланную в мекканский период, ибо человечество, стремящееся к добру, и есть одно из проявлений Аллаха.

Конечно же, жизнь Пророка поучительна, опыт исламских стран X века тоже небесполезен, но сегодня нет рабства и нет набегов, нет необходимости делить добычу. За убийство, по шариату, положено освободить раба. Сказано: «Кто убьет верующего по ошибке, должен дать свободу правоверному невольнику и заплатить семье убитого цену крови по закону...» [4:92]. Не вводить же снова рабство, чтобы точно следовать шариату, тем более что сам Пророк показывал пример освобождения рабов и он в душе был против института рабства, считаясь с ним вынужденно, а не по убеждениям. Во времена Пророка не было бумажных денег, пересадки органов, атомных реакторов и не летали в космос. Мухаммед, безусловно, имел бы свое мнение по поводу и клонирования, и деятельности ООН, ведь времена изменились.

В X веке состоялось явление, которое в мусульманском богословии называется «закрытием врат *иджтихада*». Критическое, аналитическое мышление было запрещено. Считалось, что все, что нужно, уже было разработано богословами. С тех пор мусульмане придерживаются норм X-XIII вв., выработанных в рамках четырех *мазхабов*. А для того, чтобы не следовать предписаниям неудобных

¹² Юсуф аль-Кардави. Современный *иджтихад*... – С.60.

¹³ Например, Юсуф аль-Кардави, обосновывая распределение средств, вырученных от продажи нефти, прямо ссылается на *аят* о добыче, как образец для решения вопроса по аналогии. См.: там же, – С. 45.

аятов мекканского периода, было введено понятие *насха*. *Мазхабы* являются продуктом человеческой интерпретации Корана и Сунны. Это не божественное откровение, но им следуют и сегодня.

Сами основатели *мазхабов* имели разное мнение даже по поводу истинного числа подлинных *хадисов*, которые, как известно, составляют второй по значимости источник шариата. По словам Ибн Халдуна, имам Абу Ханифа использовал только семнадцать *хадисов*, Малик насчитывал их триста, знаменитый Абу Абдаллах Мухаммад ибн Исмаил ал-Бухари, составитель самого известного сборника *хадисов*, доводил эту цифру до семи тысяч, а имам Ахмад ибн Ханбал считал, что их пятьдесят тысяч. В то время *иджтихад* использовали даже в отношении важнейшего источника шариата – Сунны, а сегодня богословы ограничивают его второстепенными вопросами.

«Степные арабы суть самые закоренелые в неверии и лицемерии; естественно, что они не знают законов, ниспосланных Богом пророку Его» [9:97].

Одно из чудес, созданных Господом, – это многочисленные народы, каждый из которых говорит на своем языке. Сказано: «К числу чудес Его принадлежит создание небес и земли, разнообразие ваших языков и цветов. В этом тоже – знамение для вселенной» [30:22]. Если бы Господь захотел, то всех бы сделал одним народом, говорящим по-арабски. Но Он этого не сделал. Каждый народ живет своей жизнью. Для него нет избранного мессианского народа или народа-изгоя. Евреи и арабы были всего лишь одними из многих, которым было ниспослано Откровение.

Господь понимает любой язык. Человек с ним должен говорить на родном языке, который ближе душе. Разве можно выразить сокровенное на чужом языке?! Аллаху талмач не нужен, он не отдает предпочтения ни одному народу и ни одному языку. «Он знает все, что в глубине сердец» [42:24].

«Если бы Господь твой захотел, Он сделал бы всех людей одним народом» [11:118].

Ни один народ не вечен. «Всякий народ живет свой срок. Когда этот срок наступает, никто не может ни отдалить его, ни ускорить» [7:34]. Арабы были когда-то одним из самых передовых народов, но их время прошло. Когда-то и татары правили всей Евразией...

Мусульманская цивилизация не поглощает и не отменяет отдельные народы. Татары волею судеб оказались северным форпостом ислама, окруженного православным миром. В России сложились собственные мусульманские традиции.

Ислам в России всегда был второй религией. Но за последние годы протестантские организации по численности обошли мусульманские. Их рост оказался стремительным. Молодежь, как русская, так и татарская, потянулась к новой вере. Прямо на глазах разбился устойчивый стереотип о том, будто русские заведомо православные, а татары – мусульмане. Объяснение такому явлению найти несложно. Протестанты говорят не на церковнославянском или средневековом арабском языке, а на родном, понятном человеку с детства. Протестанты дают современное толкование Библии, которая перестает выглядеть архаичной книгой. Они помогают людям решать конкретные жизненные вопросы.

Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас ввел понятие мусульманского языка, под которым он понимает «внедрение базового словаря мусульманской терминологии в языки народов, исповедующих эту религию, благодаря чему язык каждого мусульманского народа оказывается связанным с языками других мусульманских народов через базовый круг слов, ставших для всех них родными. Вот почему языки всех мусульманских народов можно было бы отнести, по существу, к одной группе мусульманских языков».¹⁴ Действительно, татарский язык насыщен арабизмами, которые достаточно полно отражают мусульманскую терминологию и делают лишним для широкого круга верующих знание арабского языка. В этом плане русский язык, опирающийся на западную традицию, не имеет таких же возможностей. Тезис Сейд Мухаммада Накыб аль-Аттаса — серьезный довод в пользу лингвистической национализации ислама, которая представляется неизбежной в XXI в.

¹⁴ Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас. Введение в метафизику ислама – изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения. – М.; Куала Лумпур, 2001. – С.36.

«Не отталкивай тех, которые призывают Господа вечером и утром, желая видеть лик Его. Ты не имеешь права судить о их намерениях, как и они не имеют права судить о твоих. Если ты оттолкнешь их, то будешь в числе нечестивых» [6:52].

Никто не может претендовать на истину, это прерогатива только Господа. «Скажи: один Бог направляет к истине» [10:35]. Мы можем лишь размышлять вслух. Возможно, мои мысли найдут отклик у тех, кто пытается самостоятельно разобраться в исламе, у тех, кто ищет свой путь – ведь мы люди одного поколения, одной веры и одного времени – потерянного века для России.

Мне нет необходимости вникать в тонкости перевода или толкования отдельных *аятов*, разбираться в количестве атрибутов Аллаха, правильности произношения тех или иных арабских терминов – пусть все это останется богословам и имамам. У меня нет прихода и мечети, я не проповедник. Мне не нужно увеличивать своих сторонников, меня не интересует *садака*. Но мне нужно знать главные исламские принципы, которые на любом языке трактуются однозначно: мужчина и женщина – равны или нет; какова функция имамов сегодня; является ли человечество *уммой*, или общность может быть только среди мусульман и в чисто исламских странах? И, пожалуй, самое главное: каким образом ислам может помочь моему народу стать передовой нацией? Ведь сегодня перед нами не стоит задача сохранения народа в качестве экзотичного этноса в некоей мусульманской резервации, цель иная – стать конкурентоспособными. Ислам должен указать путь прогресса. Для меня ислам и прогресс – синонимы. Но в ответ я читаю: «Самые опасные из них – приверженцы прогресса».¹⁵

Татарская молодежь стремится в современные университеты, некоторые ориентируются на европейские учебные заведения, предпочитая из иностранных языков английский. Он помогает в бизнесе, политике, науке, через английский язык мы можем узнать новейшие идеи, современные технологии, быть в курсе самых последних открытий. Среди татар-горожан(селян), желающих, чтобы их дети знали арабский язык, составляет 13% (25%), турецкий – 10% (19%), западноевропейские – 74% (33%). Среди татарской молодежи количество желающих изучать западноевропейские языки еще выше, чем среди их родителей. Тенденция такова, что арабский остается ритуальным или же чисто профессиональным языком, а из иностранных языков «массовым» становится английский. Это веление времени, поскольку арабский привносит в наше общество отсталый менталитет, а западноевропейские языки помогают нам вырваться на передовые рубежи. Если мы не будем учиться у Европы, тогда «КамАЗ» проиграет «Вольво» и «Мерседесу», казанские вертолеты окажутся хуже, чем у «Еврокоптера», и наши пассажирские самолеты не смогут конкурировать с «Боингом». Имамы должны участвовать в развитии экономики и культуры республики! Они должны предлагать экономические и социальные проекты, улучшающие нашу жизнь, помогать завоевывать рынки сбыта в мусульманском мире, а не просто напоминать о пятикратной молитве. Российский исламский университет, кроме богословия, должен поставить как главнейшую задачу обучение новейшим экономическим теориям, найти свой подход к развитию Татарстана как высокотехнологичного региона. Абу Ханифа говорил: «Используйте свое знание практически, ибо знание без практики – безжизненное тело».

Когда Муса Бигиев начал публиковать основы теории «Абсолютной божьей милости», то друзья ему советовали быть дипломатичнее, не раздражать имамов. «Ты несвоевременно и неуместно поднял бесполезную проблему и вызвал бурю», – говорили они ему. Муса Бигиев на это отвечал: «Я конечно же благодарен моим друзьям за советы и наставления. Но в своих научных изысканиях я никогда не пожертвую своим достоинством ради того, чтобы избежать людской молвы или обеспечить себе хлеб насущный. Если какая-либо истина со всеми доказательствами утвердится в моем сердце, то я не смогу пойти на подлость и скрыть ее, думая, что люди не смогут воспринять эту истину...»

Не судите и не осуждайте!

«Добродетель состоит не в том, что вы обращаете лица ваши к востоку или западу; добродетелен тот, кто верует в Бога, в последний день, в ангелов, в книгу и в пророков; ...» [2:177].

¹⁵ Юсуф аль-Кардави. Современный иджтихад... – С. 67.

Во время пребывания в Мекке Пророк молился, обращаясь к Каабе, после же бегства в Медину, он, молясь, обращался в сторону Иерусалима. Это обрадовало иудеев. Но через семнадцать месяцев он снова обратился к Каабе. Многие стали его упрекать за колебания: где же *кибла* мусульман? И тогда появился следующий стих: «Глупцы, наверное, спросят: что их отвратило от киблэ, к которой они обращались? Отвечай: Богу принадлежит восход и закат, Он направляет на прямой путь, кого хочет» [2:142]. Во власти Господа определять направление, в каком следует произносить молитву. Мусульмане с тех пор молятся, глядя в сторону Каабы. Возможно, это было ниспослано с тем, чтобы отличить мусульман от иудеев и христиан, ведь сказано: «У всякого есть своя точка, к которой он обращается. Будьте тверды в добрых делах, где бы вы ни были. Бог соединит вас всех, ибо Он всемогущ» [2:148]. Господь определил каждому народу свою *киблу*, но он же и соединит их всех и на всех падет его милость.

В татарском языке под *кибла* имеют в виду не только направление, в котором надо молиться, но нечто большее. Каких принципов ты придерживаешься в жизни? Есть ли для тебя что-то святое? В этом суть слова *кибла*. Каждый язык несет свой смысл слов, ведь в нем концентрируется национальная история...

Время течет, и мир стремительно меняется. В этом водовороте событий многие растеряли свою *киблу*. Они забыли, где находится Мекка. Да и что, собственно, значит сегодня для нас Мекка, кроме того, что там находится Кааба? Исторические сюжеты? Надежды? Или что-то необъяснимое...

Истинная *кибла* означает обращенность к Богу, который не имеет определенного физического местоположения. Нет Господа ни в Мекке, ни в Иерусалиме, он не имеет измерения ни в пространстве, ни во времени, но он вездесущий и всезнающий...

«Он совращает, кого хочет, и направляет, кого хочет. С вас спросятся все действия ваши» [16:93].

По социологическим опросам, среди татарской молодежи свыше 80% считают себя мусульманами, но только 2% посещают мечеть раз в неделю, 4% – раз в месяц. Откровенных атеистов в Татарстане меньше 1%, но и соблюдающих все религиозные обряды мало. Очень немногие (1-3%) посещают занятия по основам религии (ислама и православия).¹⁶ Можно было бы новые явления списать на постсоветский феномен, влияние атеистической пропаганды, но объяснит ли это проблемы, с которыми сталкивается ислам по всей планете? Пожалуй, не объяснит. Ведь изменился мир, а вместе с этим потребности и образ жизни людей. Изменились общественные ценности и ориентиры. Мы все изменились.

Для татар внешние зримые признаки мусульманина перестали быть ценностью. Ислам стал скорее частью культуры. Можно, конечно, тех, кто не держит пост, не молится пять раз в сутки, назвать безбожниками. Но сами - то они для себя вопрос решили иначе. У них есть *кибла*. Наверное, они плохо знают Коран и исламские традиции. Возможно, религия для них фактор этнической идентификации. Может быть. Но у них был выбор при ответе, и они его сделали в пользу ислама. Абу Ханифа говорил: «Мы не должны принимать их за верующих или неверных, исходя из тех очевидных для нас фактов того, что они признают, а что отвергают в своих речах, [исходя] из [их] норм и религиозных церемоний. Если мы встретим людей, о которых ничего не знаем кроме того, что они [посещают] мечети, направляются на [нашу] киблу и вершат молитвы [как мы], то посчитаем верующими... Поэтому мы считаем, что должно принимать людей за верующих исходя [лишь] из очевидных для нас фактов. Хотя может статься, что для Аллаха они неверные. Других же мы посчитаем неверными, исходя из очевидных для нас признаков неверия, если нет в них ничего от признаков веры. Хотя может статься, что для Всевышнего Аллаха они верующие...»¹⁷ Лучше не скажешь.

Что важнее для Всевышнего – ритуал, церемонии, обряды или внутреннее убеждение? Внешние признаки или духовный поиск собственной формулы веры? Вопрос, казалось бы, риторический, но почему тогда об исламе больше судят по ритуалам и почему порой обряды подменяют суть ислама?

Ритуалы несли важную социальную функцию, особенно в условиях средневековой Аравии. Они приучали к цивилизованному поведению полудикие племена. Чтобы отвратить арабов от

¹⁶ Мусина Р.Н. Этноконфессиональные процессы в Республике Татарстан. – В кн.: Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. – Казань, 2001. – С. 261 – 264.

¹⁷ Абу-Ханифа Нуман ибн Сабит. Трактаты. – М., 2001. – С. 55.

язычества, нужны были жесткие правила и нормы, ведь они даже новорожденных девочек закапывали в землю, считая для себя позором их рождение. «Богу дают дочерей – какое богохульство! – а сами не желают иметь их. Когда одному из них объявляют рождение дочери, лицо его омрачается, и он делается печален. Он прячется от своего народа по причине дурной вести, полученной им. Должен ли он перенести свою неприятность или зарыть ее в землю? Как нелепы суждения их!» [16:57—59]. Сегодня многое стало внутренней культурой, и люди не нуждаются в контроле со стороны общины.

Запрет рисовать образ человека также связан с конкретным периодом в становлении ислама, когда нужно было бороться с идолами. Но сегодня мы уже не дикари, и, чтобы доказать свою правоту, нет нужды из пушек расстреливать изваяния Будды, как это сделали талибы в Афганистане.

Дикость и ислам несовместимы.

Сегодня художественные образы — показатель высокой культуры, развитости в человеке высших норм и совести. А разве не к совести призывает Ислам?! Запрет рисования людей и животных только потому, что это является уподоблением Аллаху в творении, выглядит архаичным. Если уж исходить из такого аргумента, тогда следовало бы считать уподоблением создание новых видов животных и растений, клонирование, генетику, да и всю науку, любое творчество, что просто абсурдно.

Ислам был дан свыше для того, чтобы отвратить людей от дикости. Праведность состоит в том, что люди становятся цивилизованными, культурными, образованными. Ритуалы заставляют людей постоянно возвращаться к основным заповедям, настраивают человеческое поведение на поиск истины. В этом их предназначение. А сама истина заключена в прогрессе, т.е. развитии наук, технологий, техники, повышении образования, создании справедливого общества и эффективной экономики, росте духовности в целом.

Многие запреты и ритуалы потеряли свою значимость в XXI веке. Ручной убой мяса по мусульманским предписаниям нужен был не сам по себе, а чтобы люди ели качественное мясо. Это нужно людям, а не Аллаху. Человек благодаря этому ритуалу служит не Господу, а себе делает благо. Если в наше время на конвейере забивается скот качественно, то и человек не проиграет, а значит, и Аллах будет доволен. Коран ясно показывает, что ритуалы обретают ценность благодаря их духу, а не их физической форме. Сказано: «До Бога не достигает ни мясо, ни кровь жертв; но до Него доходит ваша набожность» [22:37].

Обряды даны, чтобы облегчить жизнь человека, а не усложнить ее. Ислам это не ботинки, которые жмут. Это метод раскрепощения человеческих способностей. Сказано, что Пророк послан для того, чтобы снимать «с них тяжесть их и цепи, бывшие на них» [7:157].

Сегодня важны не столько запреты, сколько положительные мотивы. Человек во многом действует не из страха или ради награды, а из духовных побуждений, выбирая наилучший образ жизни. Не могу же я, живя в цивилизованном мире, ориентироваться на уровень племен Афганистана. Может быть, там ритуалы важнее, чем науки и образование. Татары не закапывают девочек в песок, не стреляют по изваяниям, если даже они им не нравятся. Талибы – дикие, а потому несправедливые.

Отсталость и праведность несовместимы, это – алогизм, бессмыслица. Невозможно смириться с мыслью, что Судан, живущий по средневековому шариату, более праведный, чем мой народ, который поголовно грамотен, имеет свои традиции в развитии системы образования и научных исследований. Ислам возник, чтобы людей увести от дикости и сделать развитыми, направить их на путь справедливости.

Первый шаг к праведности – образование, а молитвы и ритуалы только помогают понять значимость образования. Спасение не в ритуалах, а в прогрессе. Муса Бигиев в работе «Взгляд на верования людей в божество» писал: «В деле веры нет официоза. Вера, облачившаяся в некую формальную оболочку, теряет свое назначение для человеческого бытия. Вера, которая отстраняет человека от зла и порока, подвигая его творить добрые дела, является той самой верой, которую почитает шариат. С позиции шариата, хороша та вера, которая важна для бытия человека. Но если вера не имеет веса в жизни человека, то такая вера, с точки зрения шариата, бесполезна». Истина не в том, что, соблюдая ритуалы и одеваясь в *хиджаб*, отращивая бороду, обеспечиваешь себе место в раю. Совсем не в этом, а в преодолении сопротивления материального мира (*дунья*), рациональном обустройстве общества, в улучшении жизни людей, накоплении положительного опыта, который становится частью общечеловеческого разума. Борьба с материальным миром за его одухотворение и определяет предмет спасения человека. Если в этом деле полезны ритуалы, то пусть они будут, но

если уровень культуры общества высок и люди сами понимают значение образования и наук для приближения к Господу, то значение обрядов отступает на второй план – они становятся частным делом, вопросом предпочтения. А если почему-либо ритуалы сложно исполнить, то следует ориентироваться на целесообразность и добрые дела. Пророк говорил: «Истинно, религия – легкость, и тот, кто будет чрезмерным в религии, проиграет. Так выпрямляйте, и приближайтесь, и радуйтесь!»

Господь не требует невыполнимого, Он милостив и не налагает на человека того, что ему трудно исполнить. Наложение чего-либо выходящего за грани возможного – это тирания. Все, что излагается в Коране, – это легко в отношении сил человека и несет ему пользу. Пророк говорил: «Облегчайте и не затрудняйте, радуйте и не вызывайте отвращения».

Аллаху не нужно слепое поклонение и чрезмерное следование ритуалам. Пророк говорил: «Аллах не любит ненужного фанатизма и крайностей в проявлении веры». Он не одобрял монашества, он не требовал соблюдения обрядов сверх того, что человек может, он укорял тех, кто бежал от земных благ ради молитв: «Не живите в отдаленных и безлюдных местах, как пещеры, горные высоты и пустыни. Жить в таких местах все равно, что лежать в могиле». Твое личное спасение – это спасение общества от катастрофы: военной, политической, экологической, духовной.

Пророк Мухаммед уделял много внимания ритуалам, но при этом был достаточно гибок. Он говорил: «Час, затраченный на приобретение полезных знаний, Аллаху угоднее, чем целая ночь, проведенная в молитве», а ведь молитва считается одной из первооснов ислама. Значит, для настоящего мусульманина нет ничего выше знаний. Причем не только знания Корана, а знаний вообще, различных наук. Пророк говорил: «Ищите учения от колыбели до могилы. Ищите науку, если бы она и находилась в земле Китая. Кто хочет блаженства в этом мире, тот пусть займется торговлей, а кто хочет блаженства в том мире, тот пусть ищет воздержания и благочестия; а кто же хочет блаженства обоих миров – пусть ищет его в учении и знании».

Можно потратить время на споры о том, нужно ли пить стоя или правильно это делать сидя,¹⁸ написать по этому поводу диссертации, книги и провести конференции. В результате доказать то или же другое, но какое отношение это имеет к исламу? Пророк просто пил воду и ничего более.

Проблема заключается не в том, каким именно образом Пророк одевался, в какое время и как выполнял ритуалы, а вопрос в том, для чего он это делал. Ритуалы, *закят*, право наследования и другие нормы шариата были нужны, чтобы общество быстрее развивалось. Это главное. Суть не в том, какая именно доля наследства положена сыну, а какая дочери, а в том, что основы передачи собственности должны быть незыблемы и они должны быть справедливыми. То, что справедливо в прошлом, не всегда справедливо сегодня. В наши дни нет оснований считать дочерей хуже сыновей, в развитом обществе нет разделения труда по половому признаку.

В исламе меняются нормы, остается главная цель – справедливость. Великий богослов Абу Хамид ал-Газали сказал: «Один час справедливости равен столетней молитве».¹⁹ Коран настаивает на нашей справедливости, «даже если это направлено против вас самих».

Закят не потому богоугоден, что человек отдает обществу часть своей прибыли, а потому, что он содействует уменьшению бедных, ликвидирует долги, способствует росту благополучия общества в целом,²⁰ уменьшает пристрастие к богатству, скупости и накопительству. Все это делает общество более справедливым, а значит, более жизнеспособным.

Каков смысл расходования *закята* на освобождение рабов? Никакого, потому что нет рабов. Но остается главный смысл ислама – сделать общество более стабильным, всех людей более состоятельными. Пророк сказал: «Всякое доброе дело есть милостыня». Вот в чем суть! *Закят* – это доброе дело, а любое доброе дело – ислам.

Смысл правоверности не в подаянии, а в ликвидации бедности. Если нет других способов бороться с этим, то тогда остается подаяние. Если же богатство делает богатыми других, то это доброе дело, которое преследует ту же цель, что и *закят*! Доброе дело – милостыня. Каждый раз, как человек делает добро, он вспоминает Аллаха.

«Вас занимает желание увеличить богатства, до тех пор, пока вы не посетите могил; но вы узнаете, да, потом вы узнаете» [102:1 — 4].

¹⁸ См. доводы в пользу пить стоя в кн.: Юсуф аль-Кардави. Исламское сознание: между неверием и экстремизмом. – Казань, 2002. – С. 47.

¹⁹ Суфий. Собрание притч и афоризмов. – М., 2002. – С. 45.

²⁰ См.: *Закят*. – Казань, 2001. – С. 67.

Ислам учит, что богатство не может быть самоцелью. Пророк говорил: «Если у человека будет долина, усеянная золотом, он захочет вторую, будет две – захочет третью. Только горсть земли насытит его»; «Тот не является верующим, кто ест досыта, в то время как ближний его остается голодным». Жить интересами общества – путь истины. Господь призывал создать систему, которая исключает разрушение экономической системы из-за накопления долгов, личной роскоши и роста бедности. Поэтому Он отверг ростовщичество: «За то, что они занимаются ростовщичеством, и за то, что они поглощают понапрасну имущество людей, Мы приготовили неверным тяжкое наказание» [4:161]. Поклонение «золотому тельцу» в любой форме – в форме собственности, движимого и недвижимого имущества, банковских счетов, замораживающих средства, роскоши для себя — есть идолопоклонничество. «Глядя на нашу современную жизнь и то количество времени, любви и энергии, которые мы отдаем нашим каменным идолам (домам), металлическим идолам (машинам), бумажным божкам (дипломам и сертификатам), – пишет Фарид Исак, – я больше не удивляюсь неразумию израильтян, которых Муса вывел из мрака угнетения на свет свободы. Разница между нами и ними заключается в том, что Самири, инициатор культа тельца, действовал наивно и в одиночестве. А вот идолов капитализма и приобретательства создает сегодня целый класс людей, вся жизнь которых так или иначе вращается вокруг получения прибыли».²¹ Не только капиталисты, но даже служители культа порой больше озабочены материальной стороной, нежели духовной. Они далеко не безбедные. Дервишами их не назовешь. Преодоление сущего мира, наполнение его духовностью предполагает использование богатства на службу людям, а не на личную жизнь.

Когда читаешь богословские книги, то на тебя обрушивается запутанная терминология, изощренная схоластика, никак не связанная с современностью. В книге Махмуда Топташа «Вера в Аллаха и шесть ее основ» подробно анализируется вера в ангелов, сила и свойства ангелов, их обязанности и подробная классификация ангелов.²² Возникает ощущение, что ученые-богословы не пользуются компьютером и телефоном, никогда не летали самолетами. Они не задумываются над тем, кто все это производит и как конкурировать исламским странам с европейскими. У них на все один ответ – читать молитвы, будто бы благодаря молитвам летают самолеты. *Фикх* не заменит аэродинамику. Вокруг одного *хадиса* пишут горы книг, а о том, какими должны быть современные университеты, какие научные направления следует развивать мусульманам, чтобы стать передовыми, не говорится ни слова. Богословы могут подробно обсуждать тему о длине брюк, не заикаясь о современных технологиях. У них на все самые сложные вопросы один ответ: «Ислам – это вероубеждение, выправляющее мысль, и богослужение, очищающее сердце, нравственность, очищающее дух, законодательство, утверждающее справедливость, традиции и культура, делающие красивой жизнь».²³ Почему же тогда истинно мусульманские страны – самые отсталые? Кому же строить самолеты? Христианам?

Ислам господствовал в течение многих столетий на огромной территории, но халифаты пали из-за внутренних раздоров. Тем не менее богословы до сих пор причины ищут вовне, во враждебных силах за пределами страны – сионистах, всемирном христианстве и капитализме.²⁴ Это более чем странно. Это непонимание, для чего ислам был послан людям, незнание практической стороны ислама. Господь Дауду (Давиду) дал «власть и мудрость и научил его, чему он хотел» [2:251], т.е. Он дал ему полезные знания. Если светские законы делают жизнь лучше, справедливее, экономику более сильной, а бедность уменьшают, значит, они угодны Господу.

Габдулла Буби, известный татарский реформатор системы образования, писал: «Наша обязанность заключается в том, чтобы следовать сразу двумя путями: духовному и материальному; одновременно продвигать вперед религиозное и мирское». Светское не значит чуждое исламу. И далеко не все, что было связано с жизнью Пророка, нужно считать религиозным. Он говорил: «Чистите зубы». Сегодня то же самое рекомендует не только любой врач, но даже реклама. Дети раньше, чем учатся говорить, начинают чистить зубы. Пророк давал очень практичные советы и многие из них стали нормой жизни современного человека, независимо от того, мусульманин он или нет. В подобных нормах, как и длине брюк, питье воды стоя или сидя, наличию бороды, ношении *хиджаба* и т.д., нет ничего религиозного, это чисто светские нормы. Ислам как культура объемлет собой и мирское, и религиозное. Ислам не противостоит светскому, не вытесняет его и не воюет с ним, он создает гармонию между верой и знанием, вечным и сиюминутным, религиозными институтами и государством, отдельным человеком и обществом, духовным и материальным.

²¹ Фарид Исак. Быть мусульманином... – С. 184.

²² Махмуд Топташ. Вера в Аллаха и шесть ее основ. – Стамбул, 2000. – С. 69-81.

²³ Юсуф аль-Кардави. Исламское сознание... – С. 87.

²⁴ Там же. – С. 77.

Современная цивилизация воспитывает в людях умеренность в еде и принятии спиртных напитков, настоятельно рекомендует есть качественное мясо и соблюдать гигиену. Эти признаки не есть собственно мусульманские, они вышли за рамки мусульманской *уммы* и давно стали общечеловеческими. Любой культурный человек их соблюдает. Ритуалы не могут быть критерием, по которому можно отличить верующего от неверующего. Если человек сказал: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его», тогда он верующий, а ритуалы и обряды лишь укрепляют эту веру, но не определяют ее.

«Ни одна душа не будет нести тяжести другой души» [17:15].

Смысл ритуалов в цивилизованном обществе меняется. Можно женщинам кутаться в платки, а мужчинам отращивать бороды. Это их частное дело, это внешняя оболочка, за которой может скрываться как вера, так и неверие. Не в этом суть ислама.

Мусульманские богословы оправдывают ношение *хиджаба* дурной природой человека, т.е. мужчин. Рукайя Максуд пишет, что мусульманки «предпочитают одеваться скромно и считают откровенные и вызывающие одежды лакомой приманкой для низких мужских инстинктов, ибо, по их мнению, такая одежда поощряет мужчин взирать на женщин как на «объект сексуальных желаний», а не как на равных и независимых членов общества. Они хотят, чтобы мужчины обращали внимание прежде всего не на плоть, а на ум и нрав женщины».²⁵ Логика более чем странная, ведь жизнь состоит не только из секса, а мужчин не следует представлять как животных, не способных себя контролировать. Далеко не все мужчины похотливые, да и распутных женщин явно незначительное меньшинство.

Среди татарских женщин возникло целое движение за ношение *хиджаба* и право фотографироваться в платке на паспорт. Они имеют на это право, и государство не должно их ограничивать. Однако их упорство, хотя и вызывает уважение, но могло бы найти лучшее применение. Если уж они настолько правозащитные, то им в соответствии с *аятом* 33 суры «Союзники», который гласит: «Сидите дома», не следует бегать по судам. Им следует сидеть дома. Им не следует общаться с чужими мужчинами, как только через покрывало [33:53], а жить они должны только в женской половине своей квартиры. Когда-то татарские женщины считались самыми образованными и передовыми на мусульманском Востоке, сегодня, похоже, они решили доказать обратное.

На женщин в средние века смотрели как на собственность, их оберегали от покушения как собственность. Для мужчины, по Корану, нет греха получать удовольствие со своими невольницами, нельзя это делать с чужими, поскольку они не его собственность. Нравственность, по шариату, заключается не в том, что верен одной жене, а в том, что не трогаешь чужую. Не случайно кража и прелюбодеяние в шариате относятся к одному классу преступлений – *худду*. Собственность считается незыблемой основой общества, на которую никому нельзя покушаться. Отсюда суровость наказания, которая исходит не от ценности украденной вещи, а от самого факта.

Одежда, кроме житейской функции, несет в себе еще и красоту, показывает внутренний мир человека, полет его фантазии. Это одухотворенная материя, если хотите, преодоление *дунья*. Красота нисколько не противоречит скромности, чего требует Коран. Пророк утверждал: «Господь красив и любит красоту». Среди татарских женщин, даже в самые «исламские времена», не было традиции носить примитивный *хиджаб*, потому что мода и религия — явления самостоятельные. Моя бабушка, воспитанная в медресе в чисто мусульманских канонах, никогда не надевала этой чуждой для татар одежды. Появление *хиджаба* связано с этническими традициями арабов, которым в пустыне, где нередки песчаные бури, в такой одежде было удобно. Если говорить откровенно, то это просто некрасивая одежда, сшитая без особого вкуса и изящества и не дающая никаких преимуществ по сравнению с традиционным татарским женским нарядом или современной модой. Хотя это тоже своего рода мода и имеет право на существование, как и всякая мода. Для кого-то паранджа — символ веры, а кто-то нудист. Кто из них попадет в рай? Большинство скажет: первый. Но кто дал право судить об этом? Сказано: «О чем бы вы ни спорили, решение спора принадлежит Богу» [42:10]. Имей терпение и умеи прощать, тогда и на тебя падет милость Аллаха.

Символы, конечно, тоже важны для человека. Они опорные точки. Когда обсуждался вопрос о необходимости восстановления мечети Кул-Шарифа в Казанском Кремле, была внесена и моя скромная лепта в это святое дело. Когда создавали Российский исламский университет, мне выпала

²⁵ Рукайя Максуд. Ислам. – М., 2001. – С. 276

честь поставить свою подпись рядом с подписями муфтия Татарстана Гусман-хазрата Исхакова и муфтия Равиля-хазрата Гайнутдина, но к ритуалам я отношусь как к сугубо личному, даже, сказал бы, сокровенному делу, которое нельзя выставлять напоказ.

Человечество прошло длительный путь в своем развитии, за это время изменилась и сама природа человека. Он уже не дикарь аравийских пустынь. Полагать, что за 1400 лет ислам не смог оказать благотворного влияния на природу человека и облагородить его инстинкты, было бы равноценным признанию бессилия ислама. Мусульманским женщинам следовало бы взглянуть на мужчин как на людей, а не похотливых животных, и тогда многие традиции показались бы им устаревшими. И мужчинам не мешало бы посмотреть на женщин не как на собственность, которую нужно скрывать от чужого взгляда за высоким забором, а как на равноправную личность.

Традиция отношения к женщине как к второсортному существу проникла в ислам из иудаизма и христианства. Европа постепенно ушла от этого, а мусульманские страны продолжают ей следовать. Женщину нельзя рассматривать как родоначальницу греха. По Корану, сатана соблазнил Адама и Еву одновременно: «Сатана искусил их и вывел их из того состояния, в котором они находились» [2:36]. Более того, в *суре* «Т.Х.» сказано, что именно «Адам стал непокорен Господу своему и впал в заблуждение» [20:121]. Мужчина и женщина, по крайней мере, равны в совершении первого греха.

Стихи Корана в *сурах* «Женщины», «Свет», «Союзники» закрепляют неравноправие женщины. Они написаны в мединский период. Для той эпохи положения шариата в отношении прав женщин были самым передовым законодательством в мире. Но с тех пор цивилизованные страны ушли далеко вперед, а *шариат* топчется на месте. Хайдар Баш считает бессмысленным обсуждать сам вопрос прав женщины. «Ставить на повестку дня такие проблемы, как права женщины, предоставление ей прав – в своей основе нелепо, ибо никто не может наделять женщину правами, она получает их от рождения. Любой человек от рождения обладает правом на жизнь, имущество, честь и достоинство».²⁶ Сказано неплохо, но, по Корану, могут существовать рабы. Они люди или не люди? По шариату, они приравнены к имуществу наравне с верблюдом. Можно ли на них распространить принцип, который гласит: каждый от рождения свободен? Не так все просто обстоит в шариате, как кажется некоторым богословам. Имеет смысл обсуждать вопрос прав женщин. Нужен *иджтихад*.

Другой аргумент, который приводится в защиту различия прав мужчин и женщин, – это физиология, которая якобы и определяет различие функций в обществе, а значит, и прав. «Считать равными женщину и мужчину, в сущности, – продолжает Хайдар Баш, – то же самое, что считать равными яблоко и грушу. Это противоречит природе вещей, ибо женщина и мужчина не равны ни с психологической, ни с физиологической точки зрения. Как они различны по своей природе, так они и совершенно различаются по обязанностям и ответственности».²⁷ То же самое можно сказать и о мужчинах – они различаются физически и интеллектом.

Физиология не является основанием для решения вопросов наследства, развода или других прав. Человек есть человек. Почему против свидетельства одного мужчины требуется свидетельство двух женщин? Утверждают, что женщина по природе мягкосердечна, сострадательна и может отойти от требования справедливости.²⁸ Но это чисто субъективное мнение. Можно привести тысячи примеров жесткости и справедливости женщин, и наоборот, мягкосердечности мужчин.

Одно из предназначений ислама состоит в том, чтобы мир сделать более справедливым. По отношению к женщине полигамия считается выражением справедливости. Юсуф аль-Кардави по этому поводу пишет следующее: «Шариат гарантирует всем женам одинаковое право на содержание, жилье, одежду от супруга. Это и есть справедливость, обусловленная полигамией. Действительно, некоторые мужья не соблюдают справедливость, которую вменил им в обязанность Аллах. Однако плохое применение не означает отмену принципов в своей основе».²⁹ Полигамия, как и право наследования, процедура развода, ставит женщин в неравноправное с мужчинами положение, а справедливость не бывает без равноправия. Если люди не равноправны, значит, в мире сохраняется несправедливость, т.е. неправедность. Все люди от рождения свободны и равны. Здесь не имеет значение физиология или происхождение, раса или язык, религия или страна. Нельзя всех сделать одинаковыми, но у всех должны быть равные права.

²⁶ Хайдар Баш. Права женщины в Исламе. – Казань, 2001. – С. 16.

²⁷ Хайдар Баш. Права женщины в Исламе. – Казань, 2001. – С. 17.

²⁸ Там же. – С. 22.

²⁹ Юсуф аль-Кардави. Современный иджтихад... – С. 61.

Юсуф аль-Кардави продолжает: «Женщина по своей природе хочет быть под опекой мужчины, который оберегал бы ее, хранил ее, держал бы ее».³⁰ Верховенство мужчины над женщиной признается в Коране при условии, что мужчина обеспечивает безопасность женщины и содержит ее [4:34]. В странах, где эти функции берет на себя общество, а женщина экономически независима, исчезает основание для такого верховенства.

В современной жизни женщины зачастую несут такой же груз ответственности, что и мужчины. Это стало нормой. «Разве может называться правом, – пишет Хайдар Баш, – то, что женщина выполняет мужскую работу и что на ее плечи возлагают тяжелый груз мужчин?!»³¹ Практика европейских стран на каждом шагу опровергает эти доводы. Женщина нуждалась в опеке в средневековом обществе, где существовал тяжелый физический труд, который падал на плечи мужчин, и это было справедливо. Сегодня характер труда изменился, он стал более интеллектуальным. Многие профессии, например, врача, педагога, нельзя назвать чисто мужскими. Разве такой труд может унижать женщину? Конечно же нет. Он благороден, он несет людям жизнь, здоровье, знания.

Истина состоит в том, что исторический шариат по вопросам прав женщин не может быть применен к сегодняшнему дню, потому что был обращен к другой аудитории – мединской общине. В стихах, написанных в Мекке, данных для всего человечества и на вечные времена, нет различий в положении женщин и мужчин. Это и должно стать основным принципом шариата XXI века. Муса Бигиев писал: «Насколько совершенны права женщины и насколько велико их достоинство, настолько сильным будет общественная система». А мусульманское общество должно быть сильным.

«Скажи: истина исходит от Господа вашего: тот, кто хочет, пусть верует; тот, кто хочет, пусть будет неверным» [18:29].

Пророк говорил: «Весь мир сотворен местом молитвы». Любой может найти место для общения с Господом – в углу дома или кабинета или даже за компьютером, занимаясь науками. Каждый волен сам определять свое отношение к Господу.

Человек, признав «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его», становится верующим. Ритуалы и обряды вытекают из веры, а не определяют ее. Они вторичны. Абу Ханифа писал: «Верующих побуждает молиться, платить закят, соблюдать пост, устремляться в хадж и поминать Аллаха их вера в Аллаха, а не молитва, закят, пост и хадж побуждают их веровать в Аллаха. Это так, ибо сперва они веровали и лишь потом стали действовать. Вера в Аллаха побудила их исполнять религиозные обязанности, а не религиозные обязанности побудили их веровать».³² Никто не может человека осудить и указывать ему, каким он должен быть, и тем более сказать ему, что он не мусульманин. Абу Ханифа писал: «Люди не разнятся в вере и не превосходят друг друга в ней. Они могут превосходить друг друга в деяниях и разниться в [исполнении] своих религиозных обязанностей».³³

Истина состоит в том, что разногласия по поводу веры и неверия может решить только Аллах – все остальные люди в этом деле – посторонние. Не может быть в этом вопросе посредника. На пути к истине священнослужители выполняют функцию указательных знаков на автобане, но они не должны быть лежащими полицейскими.

Знатоки ислама могут помочь получить знания и постичь богословие, но каждый должен самостоятельно пройти свой путь. В конце концов, когда Господь призовет нас, там не будет рядом ни имама, ни муфтия, ни общины. Там не будет адвокатов.

«Бойтесь дня, в который одна душа ни в чем не заменит другую, когда не примется ничье заступничество ни посредничество и когда не будет помощи» [2:48].

Право судить в Судный день дано только самому Господу. «Кроме Бога, у них не будет ни покровителя, ни заступника» [6:51]. И не будет рядом ни отца, ни матери, ни наставника, потому что это Судный день. Никто не вправе будет взять на себя чужие грехи, каждый ответит сам за себя [6:164]. Почему же должны быть адвокаты в этой жизни?

³⁰ Юсуф аль-Кардави. Современный иджтихад... – С. 65.

³¹ Хайдар Баш. Права женщины в Исламе... – С. 15.

³² Абу-Ханифа Нуман ибн Сабит. Трактаты... – С. 44.

³³ Там же. – С. 98.

Аллах мог бы всех сделать верующими, ведь Он всемогущ. Сказано: «Если бы Бог захотел, Он сделал бы вас всех одной религии» [16:93]. Но Он не сделал этого. Он избрал пророков, которые должны были наставить людей на путь истинный, а людям предоставил свободу воли.

Люди не рабы предопределения. Не мог Аллах заведомо при рождении предписать человеку стать безбожником, он каждому дает возможность выбора. Человек может быть верующим или неверующим, мусульманином или другой веры, он может не исполнять ритуалы. Во власти Аллаха наказывать или награждать. Предопределение не касается права выбора истинного пути. Человек умрет там, где его настигнет смерть, но от него зависит, как прожить жизнь и подготовиться к смерти.

«Если бы Господь твой захотел, все люди на земле уверовали бы. Разве ты хочешь заставить людей силою сделаться верующими?» [10:99].

Господь всех призывает к вере через пророков, но он не делает этого насильно. Он лишь предупреждает о необходимости быть добродетельным: «Мы послали Ноя к народу его; он пробыл в среде их тысячу лет без пятидесяти. Потоп захватил их, погруженных в нечестие» [29:14]. Тысячу лет не хватило Ною, чтобы сделать людей правоверными, и люди были наказаны. Не спасены, а потоплены. Сказано: «К ним являлись пророки с ясными доказательствами. Не Бог был к ним несправедлив, они сами к себе были нечестивы» [30:9]. Бог не может их спасти, но может потопить и может породить новые поколения [23:42]. Во власти Господа наказывать их, но не в его намерении обратить их насильно в веру. Господь избрал пророков и открыл им истину. Остальное он оставил на усмотрение каждого.

В Исламе принято мусульман называть рабами божьими, которые должны страшиться Господа и Судного дня. Сказано: «Бойтесь Бога и повинуйтесь Мне» [26:126]. Слова «раб» (*'abd*) и «бойтесь» встречаются почти в каждой *суре*. Но их буквальное понимание мало что объясняет. Слепое повиновение бессмысленно, ведь выбор оставлен за самим человеком, а свобода воли и рабство – вещи несовместимые. Рабство – это отрицание свободы воли и признание насилия над человеком, но ведь сказано: «В религии нет насилия; истина достаточно отличается от заблуждения» [2:256].

'Abd переводится как «раб». Но глагол имеет разные значения. *'Ибадат* – служение Аллаху, а потому *'abd* скорее означает «слуга» Аллаха, а не раб. «В религиозном контексте, – пишет Сейд Мухаммад Накыб аль-Атмас, – термин *'abd* адекватно описывает того, кто, сознавая абсолютность своего долга перед Богом, смиренно отдает себя служению Ему». ³⁴ «Концепция *служения* (*khidmah*) Богу, – продолжает он, – подразумевает, что тот, кто предлагает свои услуги, «свободен», что он не вассал, а сам себе господин». ³⁵ Слово «раб божий» искажает дух Корана, который призван сделать человека свободным.

Главное — не в страхе, а в следовании избранному пути. Когда говорят: страшитесь Господа, это вовсе не означает – трепещите перед ним, а имеет другой смысл – будьте благочестивыми, будьте добродетельными, старайтесь избегать дурного, защищайтесь от нечестивого. Иначе говоря, под словом «бойтесь» надо понимать – следуйте, прислушайтесь, верьте и веруйте. И смысл слова «раб» имеет иной контекст, он означает «последователь» Господа, «слуга», который следует за своим господином, но не труп в руках мойщиков трупов и не посох в железной руке господина.

По смыслу Корана правоверный не может быть рабом Аллаха, потому что у него была свобода выбора, он сам сделал этот выбор, и он сознательно поклоняется, служит этому делу, исповедует исламские заповеди. Он может обожать Господа, но он не раб. *'Ибадат*, пишет Сейд Мухаммад Накыб аль-Атмас, «означает все сознательные и добровольные акты служения, посвященные одному лишь Богу и одобренные Им, включая обряды обязательного поклонения». ³⁶ *'Ибадат* очень глубокий термин, который объемлет всю совокупность служения, а «на своей конечной, высшей стадии *'ibadat* приобретает значение знания – *ma'rifat*». ³⁷ Таким образом, было бы неправильно его сводить лишь к обрядам поклонения.

Сейд Мухаммад Накыб аль-Атмас различает внешние добродетели, связанные с выполнением религиозных предписаний, обрядов, и внутренние, скрытые, которые «связаны с движениями сердца...». ³⁸ Здесь возникают сомнения. Не может добродетель быть внешней и внутренней, так сказать, в одном облике — представленном для людей, а в другом – для себя. Обряды нужны самому

³⁴ Сейд Мухаммад Накыб аль-Атмас. Введение... – С. 59.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. – С. 70.

³⁸ Там же. – С. 111.

человеку, они не улучшают мир, а меняют внутреннее состояние личности, которая яснее понимает свое предназначение и необходимость сознательного выбора между добром и злом, а добродетель направлена на улучшение жизни общества, развитие народа и спасение человечества.

«Мы дали каждому из вас законы и правила жизни. Если бы Бог захотел, Он всех бы вас сделал единоверцами; но Он хотел испытать вас в том, что вам дано. Опережайте одни других в добрых делах; вы все возвратитесь к Богу, он объяснит вам предмет ваших разногласий». [5:48].

Если бы Господь захотел, чтобы все стали рабами, то не было бы разных религий и народов. Ислам – религия свободного человека, это путь к свободе. Быть рабом и одновременно быть мусульманином – бессмыслица. Толпы послушных прислужников в раю не нужны. Вселенная нуждается в людях творческих.

XX век внес серьезные коррективы в жизнь. В одежде люди предпочитают не национальное, а модное или практичное. Внешние общинные нормы жизни уступили место внутренним мотивам. *Джама'ат* отступил перед человеком. Личность сама стала равной общине. Религия из церковного действия, социального феномена все больше становится интимным, духовным, сугубо личностным. Люди не любят вмешательства в свою жизнь и внешнего диктатора, предпочитая свободный внутренний выбор.

Ислам – вечное движение, постоянное сомнение и непрерывный поиск. Застывшее — значит мертвое. Ислам — не гильотина, которая висит над головой, а стимул к поиску неизведанного. Мухаммад икбал говорил: «Пусть же современный мусульманин ценит свое положение, перестроит свою общественную жизнь в свете высших принципов и разовьет из частично до сих пор раскрытой цели ислама ту духовную демократию, которая и является целью ислама».³⁹

Бид'ат... Не слишком ли легко оно вырывается из уст? Если что-то непривычное, то получает ярлык *бид'ат*. Для некоторых суннитов шииты – вероотступники, а для некоторых шиитов сунниты – вероотступники. Следуя такой логике, можно к смертной казни приговорить и тех и других, хотя это вступает в противоречие со стихами Корана, где говорится о свободе веры.

В научном мире споры являются нормальным явлением, и даже ошибки друг друга воспринимаются как поиск истины, а в исламе любая свежая мысль может оказаться под запретом.

Идрис Шах пишет: «Слишком часто считают аксиоматичным, что человек обязательно должен быть либо верующим, либо неверующим или, возможно, агностиком. Если он верующий, он будет ожидать, что кто-нибудь укажет ему на веру или систему, которая, по его мнению, сможет удовлетворить его потребности. Мало кто укажет ему на то, что он может и не понимать, в чем именно эти потребности заключаются».⁴⁰

Хотелось бы знать вечные истины, но они, видимо, не существуют. Добро и зло не застывшие категории. Существует золотое правило: «Каждый человек должен вести себя так, как он хочет этого от других». Оно существует в христианстве, исламе, конфуцианстве. Когда китайский мудрец сказал это мулле Насреддину, тот ответил: «Одна птица ела ядовитые ягоды, не причинявшие ей никакого вреда. Однажды она собрала немного этих ягод и превратила свой завтрак в жертвоприношение, накормив свою подружку лошадь». Нормы шариата, хорошо служившие в средние века, могут оказаться непригодными в XXI веке.

«Не следуй тому, чего ты не знаешь» [17:36].

Ислам для своего времени был самым передовым мировоззрением. Он возник как явный прогресс. Праведность давала преимущества стране и народу, она делала людей умными, предприимчивыми, снимала раздоры в обществе. Восток благодаря исламу стал средоточием высших знаний и мудрости. Мусульмане не только молились, глядя на Мекку, но и ориентировались на культуру Востока.

Затем мусульманский мир впал в спячку и до сегодняшнего дня не может преодолеть отсталость. Самолеты, автомобили, космические станции, все более или менее серьезные научные открытия делаются на Западе. Сейид Кутб утверждает, что «человечество идет ошибочным путем».⁴¹

³⁹ Мухаммад Икбал. Реконструкция религиозной мысли в исламе. – М., 2002. – С. 166.

⁴⁰ Идрис Шах. Суфизм. – М., 1994. – С. 59.

⁴¹ Сейид Кутб. Будущее принадлежит исламу. – М., 1993. – С. 88.

Он пишет: «Коррозия разъедает духовную суть западной цивилизации со всеми ее доктринами и порядками... Она грозит регрессом и вымиранием, несмотря на огромный объем материального производства, бурный подъем науки и техники».⁴² Однако нельзя не видеть очевидных вещей. Преимущества Запада основаны на заимствовании лучших достижений человечества. Медицина, которая лечит, технологии, делающие людей богатыми, современная агрокультура, которая кормит население и помогает изживать бедность, стремление к равенству и справедливости – все, к чему призывает Коран, делается именно на Западе. Пытаясь объяснить «невежество» Запада, Сейид Кутб утверждает: «Мы воображаем себе, что разум, создавший самолеты, ракеты, расщепивший атом, изобретший водородную бомбу, познавший законы природы, использующий их в своей деятельности, способен также решить задачу создания «строга» человеческой жизни, правил, касающихся представлений и концепции убеждения, основ нравственности и морали».⁴³ Без создания высокоразвитого общественного строя, соответствующей морали и трудовых навыков невозможно создавать самолеты и ракеты. Думать иначе — значит заниматься самообманом.

Великий Низами писал: «Тот, кто спит на Пути, потеряет либо шапку, либо голову».

Пока арабские страны были в колониальной зависимости, то можно было во всем обвинять мировой империализм, но с тех пор прошло достаточно времени, чтобы избрать собственный путь. Модели развития мусульманских стран не впечатляют. А попытки создать чисто «исламские» государства в Иране, Пакистане, Судане привели к их еще большей отсталости, политической нестабильности, войнам внутри и между исламскими государствами. Теперь причины отсталости нужно искать не во вне, а в собственном строе.

Нужно честно признаться – исламский мир в основном торгует сырьем и покупает западные товары. Там не развиваются науки и технологии. Он оказался в стороне от магистральных путей развития человечества.

Нельзя отсталость оправдать праведностью. Если мусульмане праведны, то почему они тогда отсталые? Назначение Корана было иное – сделать мусульман самыми передовыми на планете.

Сподвижники Пророка считали, что каждый ученый может самостоятельно изучать Коран и иметь свое мнение – *иджитihad*. Молодой ислам давал ответы на практические проблемы. Арабы жадно впитывали достижения различных культур, начиная с древнегреческой. Халифы стали хозяевами земель древних евреев, византийцев, персов, а также греков и буддистов, в завоевательных походах они достигли юга Франции, Испании и долины Инда. Ислам был открытым к иным традициям. В этом было его преимущество. Свободомыслие и открытость сделали ислам сильным. Европа училась у арабских мыслителей. Медицинским трактатом Ибн-Сина «аль-Канун» пользовались в Европе вплоть до XVII века. Европа зачитывалась Ибн Рушдом, а через труды аль-Хорезми она познакомилась с «арабскими» цифрами и алгеброй (*аль-джабр*). Собственное имя аль-Хорезми было превращено в термин «алгоритм». Идеи Аверроэса доминировали в Европе с XII до конца XVI века. Евгений Бертельс писал: «Если вспомнить, что в истории европейской культуры период IX-XIII вв. представляет собой время глубочайшего упадка, то нельзя не прийти к выводу, что именно труды восточных философов вывели европейские народы из тупика и указали им путь дальнейшего развития».⁴⁴ Но затем исламская мысль погрузилась в схоластику и, похоже, не может выйти из нее.

Праведность и отсталость несовместимы. Если твой народ не прогрессирует, если мусульманский мир отстает от христианского, в чем тут праведность? В том, что нет домов терпимости и не пьют вино? Так ведь запрет на вино и азартные игры был дан, чтобы народ стал прогрессивным!

Величие культуры в прошлом не является аргументом в XXI веке. Нельзя сидеть, восхищаясь прошлым, и тем самым утешать себя. Сегодня пользуются телефоном и компьютером, летают на самолетах, а арабскими скакунами любуются на ипподромах. Вся восточная культура, как чистокровная арабская лошадь, стала предметом любования, но малопригодна в хозяйстве. Она все больше походит на живой музей под открытым небом. Не Ататюрк ликвидировал эпоху исламского халифата,⁴⁵ а слепое следование традициям (*таклид*) ослабило исламский мир.

Богословы боятся модернизации ислама, боятся рационализма, якобы исключаяющего веру. Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас считает высшей формой познания интуицию. «Уровень интуиции на высшей ступени человеческого сознания, которого достигают пророки и святые, позволяет

⁴² Там же. – С. 57-58.

⁴³ Сейид Кутб. Будущее принадлежит исламу. – М., 1993. – С. 90-91.

⁴⁴ Цит. по кн.: Суфийи. Собрание притч и афоризмов... – С. 496.

⁴⁵ См.: Сейид Кутб. Будущее принадлежит исламу... – С. 5.

заглянуть в глубь природы реальности».⁴⁶ Автор считает, что общество по преимуществу невежественно, а потому трактовка ислама, опирающаяся на интуицию, является уделом избранных, святых и совершенно непозволительна толпе, простолюдинам.⁴⁷ Надо заметить, что Пророк не чурался народа, скорее, наоборот, охотно общался с бедными и гонимыми. Сегодня *сеиды* предпочитают стоять над толпой и претендуют на роль чуть ли не новых пророков.

Юсуф аль-Кардави, призывая к *иджтихаду*, в то же время пишет: «Недопустимо оставлять положение дел таким, когда каждый желающий имел бы доступ к *иджтихаду*, ибо это приведет к анархии и смуте».⁴⁸ Он считает, что есть те, кто достоин, и те, кто недостоин делать *иджтихад*. Но кто определит когорту «достойных»?

Богословы ссылаются на выдающихся мыслителей средневековья, которые ограничивали круг людей, имевших право на *иджтихад*. Это вполне объяснимо. В то время уровень образования населения был таков, что не все могли позволить себе размышления на богословские темы. Сегодня поголовная грамотность и доступность высшего образования меняют ситуацию. Каждый может самостоятельно изучать Коран, причем на родном языке.

Юсуф аль-Кардави выдвигает и другие ограничения на *иджтихад*: «Нет места для *иджтихада* в категоричных вопросах..., таких, как обязательность поста для мусульман, запрещение вина или употребления свинины, запрещение ростовщичества или обязательство отрезания руки вора, если нет никаких сомнений в том, что он украл. Также такие вопросы, как раздел наследства покойного отца между его детьми, причем его сыновьям полагается вдвое больше, чем дочерям, и другие положения Корана и достоверной Сунны, которые приняты всей Уммой и являются догмами религии, представляющими собой опору идейного и общественного единства Уммы».⁴⁹ В Коране можно найти стихи, которые дают очень гибкую формулу насчет запрещенных вещей. Сказано: «Тем, которые веруют и делают добро, нет греха съесть что-либо запрещенное, если только они боятся Бога, веруют и делают добро, потом опять боятся Бога и веруют, потом все-таки боятся Бога и делают добро; ибо Бог любит благотворящих» [5:93]. Подобные стихи нуждаются в современном толковании.

В Коране есть много стихов о том, чтобы убивать неверных. Сказано: «По окончании священных месяцев убивайте язычников, где бы вы их не встретили...» [9:5]. Причем некоторые богословы под язычниками понимают всех, кто не следует историческому шариату. Сейид Кутб пишет: «Люди, живущие в соответствии с путем, предначертанным Аллахом – это мусульмане, а люди, идущие любым другим путем, – язычники, которых не признает эта религия».⁵⁰ В Коране же о христианах и иудеях сказано, что они люди писания, а не язычники.

Далее можно найти такие стихи: «Ведите войну с теми, которые не веруют в Бога и в последний день, не воздерживаются от запрещенного Богом и его пророком, и с теми из получивших писание, которые не исповедуют истинной веры» [9:29]. В то же время другой *аят* не столь категоричен: «Призывай на путь Божий мудростью и добрым увещанием» [16:125].

Пророку было сказано: «О пророк, веди священную войну против неверных и лицемеров и будь жесток с ними» [9:73]. А сам Пророк говорил: «Поистине, Аллах любит доброжелательство, мягкость во всех делах». Мы видим разные предписания по одному и тому же вопросу. Или сказано: «О верующие, воюйте с соседними неверными, пусть они всегда находят вас строгими» [9:123]. Но Пророк любил повторять: «Остерегайтесь чрезмерности в религии». *Мазхабы* трактуют подобные положения как категоричные, причем в сторону жесткости. Сегодня эта жесткость не имеет оправдания.

«Разве верующие не знают, что если бы Бог захотел – направил бы всех людей на путь истины?» [13:31].

На рубеже XVIII и XIX вв. Габденнасыр Курсави, родоначальник движения джадидизма⁵¹ среди татар, обратился к народам с призывом: «Вы не истинные и правочерные мусульмане. Вы отступили от Корана Аллаха и преданий Пророка». Он призвал обратиться к самой Священной книге и критически оценить существующие традиции.

⁴⁶ Сейд Мухаммад Накыб аль-Атмас. Введение... – С. 138.

⁴⁷ Сейд Мухаммад Накыб аль-Атмас. Введение... – С. 24, 37.

⁴⁸ Юсуф аль-Кардави. Современный *иджтихад*... – С. 67.

⁴⁹ Там же. – С. 72.

⁵⁰ Сейид Кутб. Будущее принадлежит исламу... С. 9.

⁵¹ Джадидизм – общественно-религиозное течение среди татар. Термин происходит от арабского слова *аль-джадид* – обновление, реформа.

Будучи в Бухаре он высказался на счет атрибутов (*сыфат*) Бога. В то время одна группа богословов насчитывала их семь, другая – восемь. Курсави утверждал, что нельзя сказать ни то, ни другое, поскольку Коран никак не определяет число атрибутов. Меджлис *улемов*, специально собранный по этому случаю с участием эмира Бухары, издал *фетву*, согласно которой любой мусульманин, не признававший семь или восемь божественных атрибутов, считался вероотступником и подлежал смертной казни. Курсави оказался в темнице, но казнь его не состоялась – за него заступился его бывший учитель, весьма авторитетный шейх Ниязкули. Курсави заставили отречься от своих слов и публично сожгли его сочинения. Затем он бежал из Бухары на родину.

«Если они тебя обвиняют во лжи, то вспомни, что прежде их народ Ноя, 'Ада, Темуда, народ Авраама, народ Лота и жители Мадйана обвиняли также во лжи пророков своих. Моисей тоже считался за лжеца» [22:42-44].

Невольничий рынок в Бухаре в годы пребывания Курсави был полон шиитами из Ирана. По традиции они считались *куфрами* (неверными), а потому на них не распространялся принцип «*куллю муслим хурр*» (каждый мусульманин свободный). Но в Коране и Сунне нет точного определения *куфра*. Если одни осуждают других в *куфре*, не имея на то права, то чем одни лучше других? «Их *мазхаб* – пристрастие (*хава*) как и ваш... Прибежище вам, помимо руководства Аллаха, следование путем Сунны», – писал Курсави.

Обращение к Корану и Сунне фактически отрицает какой-либо *мазхаб*. В глазах современников оказывалось, что *таклид* не был методом спасения, нужен был самостоятельный поиск – *иджтихад*. При этом для Курсави общественное мнение не могло выступать критерием истины. Он считал, что ученый, убежденный в истинности своих рассуждений, их соответствии «прямому пути», сам мог считаться *джама'ат* (общество мусульман), а потому имел право действовать по собственному усмотрению, даже если его поступок осуждался большинством. Человек, отстаивающий истину, равновелик общине. Это было революцией в теологии. Идеи Курсави подхватила блестящая плеяда татарских богословов.

Прошло два столетия со времени появления первых критических мыслей Курсави, а споры вокруг поднятых им проблем продолжают. Хайдар Баш пишет: «Призыв непосредственно обращаться к Корану и Сунне, напрямую в эпоху *Аср Саадат*, отвергая принципы *мазхабов* и *маширабов*, означает отрицание *иджма-и уммат*⁵² и *кийас-ы фукаха*⁵³, которые сами определяются Кораном и Сунной... А ведь *мазхабы* и *маширабы* *Ахл ас-Сунна* уже давно проделали анализ всех религиозных проблем, основываясь на самых достоверных принципах».⁵⁴ Разве время остановилось, чтобы считать все проблемы решенными? Хайдар Баш продолжает: «Тот факт, что веками *умма* без тени сомнения следовала и руководствовалась *мазхабами* и *маширабами* и столетиями имамы *мазхабов* и *маширабов* оставались непререкаемыми авторитетами, – есть историческое доказательство того, что *мазхабы* и *маширабы* отличались и отличаются основательностью своего подхода и представляли и представляют истину».⁵⁵ Если бы человечество придерживалось такой же логики, то до сих пор устройство солнечной системы объясняли бы по Птолемею, а не Копернику.

За страстной защитой *мазхабов* и в целом принципа *таклида*, а также *иджмы* стоит простая мысль – любой мусульманин, не рассуждая, должен следовать за учителем. «Для победы истины (*хакк*) верующие должны проявить послушание (*ита'ат*) авторитетному центру из своей среды. Это послушание (*ита'ат*) – часть послушания (*ита'ат*) Аллаху и Его Посланнику...»⁵⁶ Но как может авторитетный центр брать на себя функцию представительства Господа и Его Пророка?! Прав Фарид Исак, который пишет: «Можно упомянуть и тех, кто оказался заморожен демагогической болтовней некоторых религиозных лидеров, которые отстаивают идею, что в исламе не может быть демократии и что вся власть – от Бога, тем самым возвышая самих себя до агентов Бога, а всех прочих низводя до уровня простых исполнителей».⁵⁷ У каждого свой путь к истине, его не заменит ни учитель, ни имам. Служители культа могут помочь в поиске истины, если сами не оказались в сетях *таклида*.

⁵² Иджма-и уммат – решение авторитетных мусульманских ученых по какому-либо вопросу.

⁵³ Кийас-ы фукаха – сравнение по аналогии в решении некоторых вопросов.

⁵⁴ Хайдар Баш. Макалат... – С. 160–161.

⁵⁵ Там же. – С. 161.

⁵⁶ Там же. – С. 199.

⁵⁷ Фарид Исак. Быть мусульманином... – С. 157.

Пророк Мухаммед говорил: «Воистину, Аллах в начале каждого столетия будет посылать *умме* человека для обновления религии». Что имел в виду Пророк под обновлением религии? Видимо, то, что толкование Корана должно соответствовать своему времени и конкретным условиям. Ислам — развивающееся мировоззрение. В этом его сила. Буквальное прочтение Корана не может точно передать его смысл, потому что его принципы должны быть приемлемы в данном месте, в данное время и для данных людей. Со временем меняются нормы, но неизменен дух Корана. Габдулла Буби писал: «Если мы будем обращаться лишь к старым тафсирам, то это будет означать, что Коран конечен и исчерпаем, а слова Пророка – лживы». Не могут же, в самом деле, слова отдельных людей, даже очень авторитетных, быть выше Корана. Никто не вправе претендовать на истину, он лишь может указывать путь к познанию истины.

Фанатизм *мазхабов* стал «проклятием народов ислама», говорил Габдулла Буби. Ведь сами основатели *мазхабов* и не думали мусульман делить на школы. Абу Ханифа предупреждал: «Запрещено кому бы то ни было, кто не знает моего доказательства, выносить постановления – фетвы, ссылаясь на мои слова». Он понимал свое место и предназначение, но его последователи не поняли учителя.

Мы до сих пор повторяем, что татары – мусульмане ханифитского толка. В чем смысл этих слов? В том, что мы считаем вслед за Абу Ханифом, что срок беременности два года или в том, что мы нашли единственный путь к истине и у нас самое верное толкование Корана? Или мы хотим ввести исторический шариат, что немыслимо в светском государстве. Следование какому-то *мазхабу* означает, если говорить открытым текстом, ни что иное, как наложение рамок на Коран. Но Священная книга шире и глубже всех *мазхабов* вместе взятых, и каждое новое поколение может черпать из нее новые мысли. Этот процесс бесконечен, как и вечная мудрость Корана.

Великий Саади спрашивал: «Как может спящий разбудить спящего?»

Роль ислама в сохранении татарского народа трудно переоценить. В эпоху христианизации язык, культура и религия спасли народ от ассимиляции. Ислам объединял татар в общины и создавал механизмы взаимной поддержки. Он консервировал традиции, и благодаря этому сохранялась этничность. Но к XIX веку перед нашим народом возникла иная задача: не выживать, а развиваться. Консервация не могла решить этой проблемы, она становилась тормозом, и джадидизм помог найти выход.

Движение джадидизма возникло из сравнения отсталого Востока и быстро развивающейся Европы. Джадиды увидели основной выход в современном образовании и открытости к культурным достижениям других народов, они призывали учиться у Европы. Лучшие татарские медресе были джадидскими. Выдающиеся татарские мыслители, писатели, общественные деятели XIX – XX веков вышли именно из этой среды.

Вплоть до начала XX века для татар существовали ограничения – был запрет на ряд профессий, создание светских университетов, существовали ограничения в экономической сфере. Православные пользовались явными преимуществами. Тем не менее благодаря модернизации ислама татары стали конкурентоспособными и сделали гигантский скачок в культуре. Не консервация традиций, а именно модернизация ислама укрепила татар.

После столетий застоя Востоку сложно было воспринять идеи джадидизма. Труды Мусы Бигиева были осуждены главой османских мусульман как ересь, а из Советской России он вынужден был бежать.

«Мы ни в один город не послали проповедника, без того, чтобы сильные города не сказали: мы не верим в то, с чем вы посланы» [34:34].

Со времени Пророка Мухаммеда многое изменилось. Быстроразвивающиеся научные школы, современные технологии и техника не оставляют места устаревшим традициям. Порой кажется, что религия и наука существуют параллельно или наука вытесняет религию. На самом деле, научное мышление не противостоит исламу, потому что ислам — это вера и знания одновременно, это культура, которая объемлет и то и другое. Пророк Мухаммед советовал: «Кто научится сколько-нибудь наукам с целью научить других, тому Бог даст спасение семидесяти святых». Следовательно, науки составляют органичную часть ислама.

Некоторые богословы ищут доказательств в Коране новейшим открытиям наук. Действительно, в нем есть строки, подтверждающие теорию расширения Вселенной, или делимость атома, но Коран — не энциклопедия конкретных знаний, и он не нуждается в «оправдании» перед лицом новейших открытий. Было бы странным ориентироваться на Коран в вопросах устройства Вселенной или

эволюции человека. Там даны самые общие и приблизительные сведения. Функция науки в том и заключается, чтобы представить полную картину мироздания.

Истинный мусульманин – это образованный человек, уважающий и постигающий науки. Пророк Мухаммед сказал: «Приобретение знаний есть главнейшая обязанность мусульманина». Это категорический императив. Стремление познать себя, окружающий мир, Вселенную и есть познание истины, т.е. самого Аллаха. Сказано: «Он все обнимает знанием Своим» [65:12]. Обнимает все, потому что Он и есть Вселенная. Любая наука, любое знание есть шаг к Господу, который ждет не слепого поклонения, а пользы от деятельности человека. Даже незначительного образования, потраченного на пользу общества, достаточно, чтобы Господь предпочел тебя семидесяти святым. Так говорил Пророк.

«Бог знает тайны небес и земли» [49:18].

Некоторые верующие требуют чуда и пророчеств, а богословы пытаются найти этому доказательства в Коране и в жизни Пророка. Но ведь чудеса – это игрушка для детей и наивных людей. Чудо сама природа. Чудо в возможностях человека, который преодолевает притяжение Земли и совершает полеты в космос. Чудо, что врачи научились после клинической смерти возвращать людей к жизни.

Будучи в Ватикане, мне нужно было поговорить с муфтием Татарстана и я позвонил ему со своего мобильного телефона. Он оказался в Джидде. Мы говорили, находясь за тысячи километров друг от друга. Спутники Земли объединили человечество паутиной связей. В течение многих столетий люди создавали средства коммуникации – тысячи гонцов и целые армии лошадей обслуживали почтовую, фельдъегерскую связь, потом появились автомобили, самолеты, наконец, телеграф, беспроводная связь. А сегодня система электронной и мобильной связи предстает как настоящее чудо, при этом спутники кажутся ангелами, парящими над человечеством и создающими нервные нити планетарного разума.

Невежество требует чуда, а знание в этом не нуждается. Знание само его порождает. Человеческий гений всего лишь за одно поколение создает технику и технологии, о которых мы в юности читали в фантастических романах. Надо ли искать то, что не может быть объяснимо и находится вне нашего понимания? Надо ли верить в необъяснимое? Как раз наоборот, надо верить в то, что в природе все должно найти свое объяснение, возможно, за исключением бесконечности.

Весь цивилизованный мир поставил вопросы образования на первое место и не только на словах, но и на деле. В бюджетах развитых стран первая статья расходов отведена образованию. Может быть, там, а не в Судане живут истинные мусульмане? Пророк говорил: «Для всего есть свой путь. Путь же в рай открывает знание».

Мир стремительно меняется. И пока Восток размышляет о своем предназначении, ругая Европу и Америку, Запад уходит все дальше в своем развитии.

Где наша Мекка?

Запад излишне рационален, индивидуализирован – так считают на Востоке. Но это нельзя ставить в упрек, это объективная ситуация. Таково веление времени. Конкуренция требует воспитания развитой личности. Массовостью и коллективизмом сегодня трудно добиться чего-либо выдающегося.

То, что отличает XXI век от XX – это приоритет информации. Если символом XX века был конвейер, изобретенный Фордом, то символ новой эпохи – компьютер, Интернет и новые коммуникационные технологии. Знание стало важнейшим производительным ресурсом. Вместе с тем меняется роль человека, для которого главным становится творческое мышление.

Один из реформаторов ислама Гамаль ад-Дин аль-Афгани был убежден, что «нужно заимствовать технологии и инструменты современной цивилизации, ограждая интеллект и культуру от влияния рационализма и светских ценностей».⁵⁸ Если стоять на позиции потребителя, то можно следовать такому принципу, но если пытаться развивать технику и технологии, то не обойтись без рационализма.

Характер Запада определяется научно-техническим прогрессом и развитостью общественной жизни. Противопоставлять индивидуализму общинность и коллективизм, отрицать рационализм — значит заведомо обрекать себя на отсталость.

⁵⁸ Цит. По кн.: *Сухейль Фарах. Христианство и ислам (опыт секуляризации).* – Н.Новгород, 1999 – С. 73.

Ислам, если он хочет сохранить свое влияние в обществе, должен уметь отвечать на вызовы времени. Дело не в том, чтобы отвернуться от Востока и повернуться лицом к Западу. А в том, чтобы заимствовать все ценное, что есть в мире. Если сегодня США, европейские и юго-восточные страны бурно развиваются, значит, нужно учиться у них. Туда надо ехать за знаниями.

Многие в мусульманских странах начали просто копировать западные образцы. Муса Бигиев называл это «новым *таклидом*». Он писал: «Никоим образом неприемлемо приносить в жертву ислам и шариат в угоду фантазиям о якобы «почитании» одного из *мазхабов*. Другим, может быть, даже более тяжким пороком, поразившим нашу мысль, является позорный и унижительный *неотаклид*. Если традиционный *таклид* представлял собой жертвование шариатом путем преклонения перед священностью *мазхабов*, то упомянутый современный *таклид* стал отказом от ислама и принесением в жертву мусульманской *уммы* на фоне собственного самоунижения, возникшего из-за очарования величием западной цивилизации и ее политическими достижениями».⁵⁹

Запад не перенесешь на Восток. Там другая почва. Восток не воспринимает либерализм в чистом виде. Он должен преломить его сквозь собственные традиции. *Таклид*, будь он восточный или западный, не приемлем, ибо он противоречит духу ислама, а сближает Восток и Запад *иджтихад*, который есть не что иное, как начало либерального мышления. Если свободная личность тянется к образованию и наукам, стремится к прогрессу, то это вполне приемлемо как для западной, так и исламской культуры.

«Он создал смерть и жизнь, чтобы испытать, кто из вас будет поступать лучше» [67:2].

Мусульмане любое дело начинают с фразы: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного». Что это означает – стремиться к нему, жить ради него? Вопрос простой, но ответ на него сложен... Сказано: «Мы создали небеса, землю и что между ними не для забавы. Мы создали их для истины; но большая часть людей не знают этого» [44:38-39]. Вселенная, живущая по естественным законам и наполненная смыслом, и есть истина. «Коран есть предостережение Вселенной; для тех из вас, которые желают следовать прямым путем. Но вы можете хотеть только то, чего хочет Бог, Господь Вселенной» [81:27-28]. Коран есть «наставление вселенной» [6:90], предостережение для живущих на Земле, а Господь Вселенной – это смысл ее существования, иначе говоря, одухотворенность материи, изначальный и конечный смысл мироздания, это то, что придает порядок всему, вводит в рамки бесконечность пространства и времени. Этот смысл содержится и накапливается в «Матери книг» как опыт поколений, вселенский разум, постоянно пополняемый человечеством. «Матери книг» – тайна бессмертия.

Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас считает, что «будучи изначально совершенным в соответствии с его собственной *fitrah* (природой), мир не может развиваться».⁶⁰ Он оперирует понятием «мира идеальных реальностей», которые пребывают «в качестве неизменных сущностей в сознании Бога». В такой трактовке мир предстает застывшим в блеске своего совершенства. Но автор при этом Бога называет не мифом и не символом, а реальностью. Трудно признать реальность не меняющейся со временем. Достаточно вспомнить, что мусульманская община вначале ограничивалась Мединой, затем ее границы расширились до Аравии, а после смерти Мухаммеда ислам в очень короткое время охватил собой десятки величайших стран мира. Ислам преобразил облик мира. В истории человечества разве что бросок Чингисхана из Азии в Европу был более стремительным и масштабным.

Господь – реальность, которая проявляет себя во Вселенной. Сказано: «Он создал солнце, луну и звезды, которые по воле Его подчинены известным законам. Разве не Ему принадлежит создание и власть? Благословен Бог, Господь вселенной!». Он воплощается в земной жизни и, конечно же, в самом человеке. Пророк говорил: «Человек, который познал самого себя, познал и своего Господа». Все это знамения, которые находятся в постоянном изменении и развитии. Очень верно пишет Мухаммад Икбал: «Мир, согласно Корану, подвержен росту. Это растущий мир, а не готовый продукт, который рука его Творца оставила много веков тому назад и который теперь лежит простертым в пространстве и времени, словно мертвая масса материи, которая никак не меняется со временем, а потому и является ничем»⁶¹.

⁵⁹ Муса Джаруллах. Мой взгляд на исламский шариат // Иль. – 1913. – №3 (Петербург).

⁶⁰ Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас. Введение... – С. 27.

⁶¹ Мухаммад Икбал. Реконструкция... – М., 2002. – С. 68.

Сама Вселенная не застывшее скопище планет и звезд, она развивается – возникают новые звезды и планеты, а некоторые из них угасают. Астрономы доказали, что Вселенная расширяется. Не об этом ли говорится в Коране: «Я не поклянусь планетами, быстро текущими и скрывающимися» [81:15-16]. Если развиваются галактики, жизнь на земле, человеческий разум и общество, почему же неизменен тот, кто определяет это движение? Развитие абсолютно, потому что развивается Господь, а вместе с ним появляются новые истины. Застывшее – значит мертвое.

Для чего жизнь и для чего смерть? Сказано: «Всякая душа вкусит смерть. Мы вас испытаем злом и добром, и вы к Нам возвратитесь» [21:35]. Зачем испытывать злом и добром?

Предназначение человека в том, чтобы привнести духовность в мертвую материю и таким образом преодолеть сущий мир (*дунья*), не отчуждение от него, а одухотворение материи. Человек из камня строит храмы, заставляет металлические аппараты летать, выводит новые растения, которые кормят быстро растущее население планеты. Он богатства ставит на службу людям. Испытание добром и злом нужно, чтобы накопить опыт для следующих поколений. Именно так можно отодвинуть Судный день – катастрофу Планеты.

«Когда небо расстрескается, когда звезды рассыплются, когда моря выйдут из берегов, когда разрушатся могилы, тогда всякая душа узнает все дела свои и давние, и позднейшие» [82:1-5].

Сегодня изменение климата в результате промышленной деятельности, оружие, созданное человеком, неразумное использование природы способны разрушить планету и превратить все вокруг в ад⁶². Об этом предупреждал Господь: «Когда земля будет раздроблена на мелкие частички, когда явится Господь твой и ангелы выстроятся рядами, когда приблизятся к геенне, о, тогда человек вспомнит все, но к чему тогда ему послужит воспоминание? Он скажет: о, если бы я делал добро во время жизни моей!» [89:21—24]. Ад – это не физический огонь, в котором поджаривают грешников, а осознание духовной опустошенности, муки совести за совершенные низкие дела – то, от чего человек бежал в сущем мире, но не смог избежать в будущем, это осознание бессмысленности богатств и роскоши, обманов и убийств, пустой траты времени и сил на личные потребности. А муки совести страшнее физического огня. Сказано: «Ты увидишь нечестивых трепещущими от дел своих, и наказание постигнет их» [42:22]. В потустороннем мире не может быть физической геенны огненной.

Если на Земле произойдет экологическая катастрофа или ядерная война, то результаты окажутся много страшнее картин ада, нарисованных в коранических сказаниях.

Судный день – это не предопределение, не назначение даты Суда, а предупреждение. Сказано: «Предупреждай, потому что ты проповедник; у тебя над ними нет неограниченной власти» [88:21—22]. Это возможная катастрофа, «когда горы разлетятся, как ключья крашеной шерсти» и «небеса будут сорваны с мест». Если люди будут неразумны, если разногласия между ними возьмут верх, катастрофа окажется неизбежной. Человек должен жить в гармонии с природой и другими людьми и таким образом предупредить наступление Судного дня.

«Тебя будут спрашивать о приходе страшного часа. Что ты знаешь о нем? Его срок известен только Господу твоему» [79:42—44].

Образ рая, представленный в Коране, во многом наивен, он конечно же рассчитан на жителей пустынь, которые мечтают о прохладной тени и орошаемых водах. Сказано: «Тех же, которые уверовали и делали добрые дела, Мы введем в сады, орошаемые водами; они будут там вечно, с ними будут там чистые жены, а над ними – прохладная тень» [4:57]. В другом месте сказано: «Верующих и творящих добро Бог введет в сады, орошаемые водами. Они будут там украшены золотыми и жемчужными браслетами и будут одеты в шелк» [22:23]. На севере орошение не имеет такого большого значения, ибо и без того регулярно идут дожди, а человек, может быть, больше мечтает о солнце, нежели о прохладной тени. Ясно, что пророк донес истину на языке, понятном своему народу.

По большому счету, во многих странах комфорт уже приблизился или даже превзошел райский, так что для многих коранические райские кущи не так привлекательны, как это было когда-

⁶² США потребляют половину всех земных ресурсов. Если еще несколько стран выйдут на этот же уровень, то планета просто не выдержит тяжести «золотого тельца».

то арабу, водившему караваны по Аравийской пустыне. Трудно сегодня удивить коврами и зелеными подушками, которые ожидают правоверного в раю. Жизнь в райских кушах в разговорах с гуриями нельзя назвать осмысленной. Для современного интеллектуального человека утоление духовной жажды гораздо важнее получения физических удовольствий. Для цивилизованного человека картина вечности, в которой «будут возлежать, облокотятся, и спрашивать всевозможных плодов и вин» [38:51], теряет смысл. Господь не мог замыслить такое конечное предназначение для человечества. В Коране нарисована картина для средневековых людей, которых надо было отвратить от языческих идолов, но она не подходит людям развитым и духовно богатым.

«Но искренние служители Божии получают известные дары, плоды; они будут почтены в прелестных садах, на седалищах, друг против друга; им будут разносить круговую чашу с вином, чистым и приятным для пьющих. Оно не будет действовать на их рассудок и не опьянит их. У них будут девы с прелестными глазами, подобные (цветом тела) страусову яйцу. Одни подойдут к другим и будут делать друг другу вопросы» [37:40—50].

Нельзя представлять себе ад и рай в виде материальной картины с земными ужасами и человеческими радостями, их следует понимать как символические знаки, образы, суть которых лежит за пределами человеческого знания.

Омар Хайям писал:

В обители и келье, монастыре и синагоге
Одни страшатся ада, другие мечтают о рае,
Но в сердцах у тех, кто постиг божественные тайны,
Нет места таким фантазиям.

Человек дела не может мечтать о рае, где будут проводить время в пустых разговорах. Поэтому Господь дал другое определение рая, как возможность иметь то, чего пожелаешь, бесчисленные дары в «жилище вечном». «Те же, которые веруют и делают добро, будут в прелестных садах. Господь даст им все, чего они пожелают. Это великая милость» [42:22]. Рай — это духовный мир, наполненный опытом сущего мира. Рай — это блаженство от осмысленности пройденного пути на земле.

«Кто верит в Судный день и творит добро, того ждет награда у Аллаха», — так сказано в Коране. Надо ли торговаться по этому поводу? Если я верю и добровольно следую предписаниям, зачем нужно награждать за добро? Добродетель не нуждается в награде ни в этой, ни в той жизни. Она сама есть награда. Сказано: «Бог ниспосылает дары Свои без счета тем, кому хочет» [2:212]. При этом каждому дары даются такими, как он их понимает и ожидает. Тогда в чем же смысл праведной жизни? К чему она, если ни стремление к награде в раю, ни страх огня ада несущественны? Смысл в другом. Сказано: «Они там не услышат ни пустых речей, ни преступных слов; там только будут говорить: мир, мир!» [56:25—26]. Познание этой истины, привнесение духовности и спасение планеты от катастрофы и составляет смысл праведного существования.

«Мы не ускоряем и не задерживаем срок, назначенный для существования каждого народа» [23: 43].

У каждой страны, каждого народа своя история и свое предназначение. Сказано: «Он расположил землю для разных народов» [55:10]. Аллах создал разные народы поистине не потому, что он не мог всех сделать одним народом, а затем, чтобы одни народы опережали других в добрых делах. Мое существование вне моего народа бессмысленно. Господь, если бы захотел, всех бы сделал арабами и все бы говорили по-арабски. Но он создал многообразие языков. Вселенная — это воплощение божественного разума и воли, впитывающая опыт все новых и новых поколений во всем многообразии культур.

Татары, находясь на границе Запада и Востока не только географически, но и в культурном плане, создали собственную субцивилизацию. В России не действует шариат, и большинство населения составляют православные. Мусульмане должны подстраиваться под этот образ жизни.⁶³

⁶³ Традиционная исламская юриспруденция делит все государства на три типа: «обитель ислама» — где власть принадлежит мусульманам и преваляют исламские законы; «обитель войны» — где государство занимает резко антагонистическую позицию по отношению к живущим в нем мусульманам; и «обитель мира» — где мусульмане живут свободно, исполняя нормы и правила своей религии, невзирая на немусульманский характер государства.

Российские условия для мусульман не привнесенные и не вынужденные, они родились в этой стране, считают ее своей, а не чужой. Эта страна не хуже и не лучше, чем мусульманские государства, она просто другая. Это наша судьба и наше предназначение – выработать опыт праведного пути в этих условиях. Нас не сделать Саудовской Аравией и мы вряд ли станем христианской Европой. Мы такие, какие есть. Финиковая пальма не растет на российской почве.

Миллионы мусульман выросли в России с убеждением, что должны жить в светской стране, считаясь с той культурой, которая выработана за многие столетия. Богословы из мусульманских стран не могут нас научить жить, имамы, которые учились в Саудовской Аравии и слепо следуют своим заморским учителям, могут привнести только непонимание и раздор. Они будут призывать к строгому исполнению средневекового шариата, в то время как многие его нормы в принципе не могут исполняться в России.

В сходных условиях находятся мусульмане Европы. Они как островки в христианском мире.

Мир становится смешанным и то, что в Татарстане может быть воспринято как отступление от «чистого» ислама, в будущем для большинства стран станет нормой. Прошла эпоха исламских халифатов. Нет в мире однородности, он становится взаимосвязанным. Никто не может создать изолированную, чисто исламскую среду. И нет нужды стремиться к такому «идеалу», потому что ислам не отрицает христианство или образ жизни других народов, он учит находить с ними общий язык.

Татарстан производит высокотехнологичную продукцию, что требует развития собственных научных школ и системы высшего образования. Мы должны не хуже западных фирм производить вертолеты, грузовики, самолеты, а потому вынуждены вводить стандарты, близкие к европейским, иначе проиграем конкурентам. Ислам у нас неизбежно станет европеизированным. Это будет евроислам. Жизнь заставит.

В самом деле, на кого нам ориентироваться? На Судан, Пакистан, Иран, Саудовскую Аравию? Чем более отсталая страна, тем полнее она вводит исторический шариат. Они могут себе позволить такие эксперименты, а для татар отсталость – это путь к вымиранию. Пока что вертолеты и тяжелые грузовики мусульманские страны покупают в Татарстане, а не наоборот. Как же они нас могут научить стать конкурентоспособными с Западом? Смысл существования народа не в том, чтобы вымирать, будучи правоверными мусульманами, а в том, чтобы найти способы стать передовыми, не теряя исламских корней.

Некоторые современные богословы, понимающие значение прогресса и не пугающиеся влияния Запада, относятся к современной глобализации достаточно терпимо. Например, Фарид Исак пишет: «В то время как одни контролируют *мимбар* (кафедру проповедника), другие могут использовать в своих целях Интернет и телевидение. И неважно, что сегодня телевидение все еще порой объявляют *харам* (запрещенным): мы знаем, что еще совсем недавно так же называли и громкоговорители, позволяющие усилить *адхан* (призыв к молитве). Так что скоро и «дьявольский ящик» будут объявлять благом».⁶⁴ На первый взгляд, такая позиция выглядит весьма передовой, поскольку сильно отличается от традиционной, но по сути дела в ней уже заложена ущербность – ислам оказывается в хвосте прогресса. Если мы не будем сами изобретать новую технику и технологии, то никогда не станем благополучным народом. Саудовская Аравия живет за счет нефти, а мы можем существовать только за счет знаний, новых открытий. Мы не можем позволить себе ваххабизм или иные столь же архаичные и радикальные направления ислама.

Современная ситуация такова, что даже при большом желании невозможно жить вне мировых тенденций. Глобализация несет новые технологии и меняет образ жизни. Нужно найти способ адаптации своей культуры к этим процессам.

В мире происходит также исламская глобализация, которая постепенно захватывает не только Восток, но и Запад. В центре Европы мусульмане стали значительной частью населения. Франция, Германия, Великобритания, Нидерланды, Швейцария и Италия вынуждены считаться с растущей мусульманской общиной. В то же время с юга в Европейский Союз стремится попасть Турция, еще более усиливая в нем исламский элемент.

Западная глобализация вызывает сопротивление в мире, но и исламская глобализация многих пугает. Они соединятся в мировой гармонии или столкнутся – все зависит от нас самих. После 11 сентября в мире нарастает исламофобия, хотя терроризм — не порождение ислама и не имеет религиозной природы.

⁶⁴ Фарид Исак. Быть мусульманином... – С. 340.

Мир раскололся на христиан, иудеев и мусульман, появилась брешь, которая может стать пропастью. Этот раскол прошел через души людей, наполнив их тревогой и страхом. Объединить расколотый мир могут только новые ценности. Они не могут быть чисто либеральными, но не могут быть и традиционно-исламскими.

«Все эти религии ваши суть одна религия. Я – Господь ваш, поклоняйтесь Мне» [21:92].

По Корану существует один Господь, но разные религии. Если не брать в расчет мединский период откровений, который специфичен из-за потребности создания жизнеспособной исламской общины, находившейся во враждебном окружении, то в остальном Коран весьма терпим ко всем религиям и ко всем людям, творящим добро. Сказано: «Верующие (т.е. мусульмане), иудеи, сабеяне и христиане, которые веруют в Бога и в последний день и делают добро, не будут знать ни страха, ни печали» [5:69]. Некоторые *тафсиры* трактуют этот *аят*, отступая от буквального текста. Например, в толковании Корана «аль-Мунтахаб» он приобретает такой смысл: «Если те, кто уверовал в Аллаха, и те, кто последовал за Мусой из иудеев и сабеев, и те, кто последовал за Исой из христиан, искренне уверовали в Аллаха одного, в День воскресения и воздаяния и творили благое, выполняя шариаты ислама, – им не будет муки, а будет блаженство в День воскресения». ⁶⁵ На самом деле в Коране речь не идет о требовании к немусульманам следовать шариату, главное требование к ним – творить добро.

«Кто сделает дурное, получит соответствующее возмездие; кто же, мужчина или женщина, сделает доброе дело и к тому же будет правоверный, тот войдет в рай и получит там бесчисленные дары» [40:40].

Быть правоверным для Господа предпочтительно, но не является категоричным требованием. Творить добро для людей – безусловное предписание Аллаха, ибо сказано: «Тем, которые уверовали, иудеям, христианам, сабеянам и всем, кто уверовал в Бога и в последний день и кто творил добро, будет награда от Господа, и им не будет ни страха, ни печали» [2:62].

Все религии призывают к добру. Когда иудей, буддист, христианин или кто-то другой говорит: «Будь добр, сын мой, ради Бога», то в его сердце присутствует Всевышний, который ведет людей разными путями к истине.

Бог един, но религии разные, причем различия наиболее зримо проявляются в обрядах, ритуалах, церемониях. Сказано: «Всякой религии Мы дали свои обряды, которым она следует» [22:67].

Пророк Мухаммед не утверждал, что принес новую религию. Он продолжал монотеистическую традицию и внушал уважение к последователям других религий. Ислам не унижает ни один из народов. В исламе нет претензий на то, что божественные блага могут принадлежать только его последователям. Они ниспосланы всем народам и всем людям без исключения, ведь Аллах милостив и милосерд. Поэтому Муса Бигиев утверждал: «Чтобы ни один из несчастных людей не оказался обделенным этим бескрайним милосердием и чтобы перед людьми не закрылись широко открытые ворота бесконечной Его милости, я заявляю, что спасено будет все человечество. Такова моя вера в этом вопросе». Он разработал теорию «Абсолютной Божьей милости», по которой благодать Господа объемлет все его творения, вне зависимости от того, какого вероисповедания они придерживались при жизни. Сказано: «Господи, говорят они, Ты все объемлешь милосердием и знанием» [40:7]. Из этого стиха видно, что милосердием Господа охвачены не только мусульмане, но все без исключения. Наша жизнь всего лишь мгновение по сравнению с вечностью. И если Господь подвергнет всех немусульман, т.е. большинство человечества вечным мучениям, то божественный гнев окажется много выше его божественного милосердия.

«Скажи: о рабы Мои, вы, которые поступали нечестиво к самим себе, не отчаивайтесь в милосердии Божиим, потому что Бог прощает все прегрешения. Он снисходителен и милосерд» [39:53].

⁶⁵ Аль-Мунтахаб фи Тафсир аль-Кур'ан аль-Карим. – Казань, 2001.

Наказание неизбежно, но оно не вечно. Муса Бигиев утверждал, что «ад прекратит существование», ибо безгранична божья милость. Не может Господь за грехи кратковременной земной жизни наказывать душу человека мучениями в течение вечности. Он писал: «Для того чтобы показать бескрайний океан своей милости и увековечить его, Аллах даровал общую милость всем людям. Она не знает границ и она останется навеки. Особую милость, которая оглашена для того, чтобы спасти людей от лености и безделья в мирской жизни и запретить дурные поступки, Он дарует тем, кто творит благое, ведет праведный и благой образ жизни, воздерживается от нанесения вреда окружающим и движается по пути самосовершенствования».

Человечество, несмотря на все внутренние противоречия, является единым сообществом – *уммой*, в которой есть и мусульманские и иные общины, есть неверующие. Если они творят добро, их не следует объявлять врагами, полагая, что это угодно Господу. На самом деле это угодно экстремистам, не проникшим в глубинный смысл коранических стихов. Господь примет человека, если он делает добро. А если он при этом верует, то он тем более угоден Аллаху.

«Бог есть Господь мой и Господь ваш у нас наши дела, а у вас – ваши; да не будет спора между нами и вами. Бог соберет нас всех, потому что Он – предел всего» [42:15].

Ислам привнесен на Землю как прогресс, избавляющий человека от рабства и несвободы, он сама справедливость, свобода духа и стремление к знаниям. Ислам призывает к терпимости и осуждает насилие.

Когда-то воинственность была обязательной чертой всех религий. Мусульмане с мечом в руке создавали халифаты. Христиане Европы устраивали крестовые походы. Католики и протестанты воевали друг с другом с редким ожесточением. Но меч вложен в ножны. Его не стоит вынимать в нашу эпоху, ибо он может обернуться против самого инициатора. В каждой религии есть призыв к добру и милосердию, что и делает человечество единой *уммой*.

«Вступая в споры с получившими писание, держите себя прилично, исключая если они будут люди нечестивые. Говорите: мы веруем в то, что ниспослано нам, и в то, что ниспослано вам. Наш Бог и ваш Бог один и тот же, и мы вполне покорны воле его» [29:46].

У каждого ищущего человека есть свой путь к истине. У каждого народа свое предназначение. У татар спасение заключено в будущем, а не прошлом, наш путь к прогрессу начат джадидами, которые, следуя завету Пророка, начали реформу ислама. Мы должны ее продолжить, ориентируясь на все ценное, что выработано человечеством.

Для нас Европа всегда была источником, из которого мы черпали мудрость и знания. Таковой она остается и сейчас. Наша задача не в построении заборов, отделяющих татар от других народов, не в замыкании в искусственной этноконфессиональной резервации, а в создании мостиков между разными религиями, между различным пониманием ислама, между исламом и христианством. Наша миссия в распространении толерантности, которая поможет скрепить общими узами все человечество.

«Бог не изменяет того, что дал людям, пока они не изменят того, что в душах их» [13:11].

Аллах ничего не изменит в жизни людей, пока они сами не изменят свою жизнь. Пророк говорил: «Берите на себя лишь те деяния, которые вы в состоянии выполнять, ибо не надоеет Аллаху, пока не надоеет вам...». От меня нельзя требовать выполнения всех мусульманских ритуалов, я могу взять на себя только то, что в силах пронести – постигать науки и помочь людям приблизиться к истине, а Пророк говорил: «Кто научится сколько-нибудь наукам с целью научить других, тому Бог даст спасение семидесяти святых». Мое спасение в содействии взаимопонимания между людьми разных конфессий и культур. Я знаю, что это многим священнослужителям не понравится. Легче жить, когда тебя хвалят, а не ругают. Но ведь сказано: «Будь прям, как тебе повелено» [11:112].

Написав эти размышления, я не хотел кого-то укорять, не хотел ничего ниспровергнуть. Я всего лишь ищу дорогу к истине. У меня нет сомнения, что следует придерживаться слов Пророка о модернизации ислама. Это главное на сегодняшний день, ведь мы вступили в новое столетие.

Легче всего, написанное мною назвать *бид'ат*. Но надо помнить слова Пророка: «Взгляните на свои ошибки. Это удержит вас от поисков чужих ошибок. Никогда не ищите ошибок в делах других людей, ибо это грешно с вашей стороны – указывать другим на их ошибки, пока не избавились вы от своих».

«Бог един, нет Бога, кроме Его, живого, вечного. Он не имеет ни усталости, ни сна; Ему принадлежит все, что на небесах и что на земле. Кто смеет посредничествовать пред Ним, иначе как с Его дозволения? Он знает, что было и что будет, и люди не обнимают из Его знаний как только то, что Он хочет. Трон Его распространен по небесам и по земле, Ему нет никакого труда сохранять их. Он велик и всесилен. В религии нет насилия; истина достаточно отличается от заблуждения» [2:255—256].

Человек никогда не был покинут Господом, ни в древности, ни в современной жизни, в разных исканиях человека духовного и возвышенного, вечного и всеблагого, понимании бесконечности пространства и времени, сложности материи и духа. Если ты захочешь спастись, то будешь верить в вечную жизнь. «Жизнь этого мира есть только временное удовольствие; но будущая жизнь есть жилище вечное» [40:39]. Религия ставит человеческую душу рядом с высшим идеалом, она поднимает ее выше уровня обыденных добродетелей, рождает стремление к лучшей жизни.

Символ веры заключен в простых словах: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его». Тот, кто произнес его – мусульманин. Неверующий тот, кто отрицает его, а в сердце человека может заглянуть только Господь, и он единственный, кто может судить о праведности людей.

Ной, когда ему исполнилось 950 лет, со вздохом заметил:

— Господи, как коротка жизнь! Человек не успеет родиться, как ему уже приходится умирать! Каждый из нас в Пути, и надо успеть сделать за оставшееся время много добрых дел.